Мара Вересень

Время воронЬих песен

Мара Вересень
Время вороньих песен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68936004
SelfPub; 2023

Аннотация

Меня зовут Малена Арденн, мне двадцать четыре, и я вдова. А еще меня подозревают в убийстве мужа. По завещанию мне досталась лавка со всякой всячиной в городе, в двух комнатах над которой я теперь живу. До суда, пока идет следствие. Надзирающий офицер может прийти в любое время, и я обязана открыть. Я теперь никто. У меня почти нет на себя прав.И самое главное – я не из этого мира.

Содержание

Глава 1. О тайном и явном. 4
1.2 9
1.3 15
1.4 21
1.5 27
1.6 32
Глава 2. Великое переселение. 37
2.2 43
2.3 48
2.4 53
2.5 58
2.6 65
Глава 3. Право и лево. 72
3.2 78
3.3 84
3.4 91
3.5 98
3.6 106
3.7 112
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Мара Вересень
Время вороньих песен

Глава 1. О тайном и явном.

В женщине должна быть какая-то загадка, но это не точно.

Ветер пробирал до костей. Руки в тонких, вытертых от долгой носки перчатках мерзли, вуаль липла к губам. Смазать подсохшую, норовившую лопнуть кожицу смесью масла и меда казалось хорошей идеей, пока я не вышла из дома.

Двадцать минут по раскисшей глинистой дороге. Ботинки промокли, подол черного суконного платья обметался рыжей грязью, поднимай не поднимай. Особенно после того, как пришлось толкать застрявшую в вымоине телегу с гробом. Ботинки было жальче платья. Они единственные и сохнуть им дольше, чем я буду спать. Ночи здесь какие-то слишком короткие, зато сумерки, что вечерние, что утренние, тянутся, как густой кисель.

Это “здесь” называется Кронен, не то большое село, не то поселок – местечко – в двух часах пешком от Нодлута. С четыре десятка домов, две улицы поперек тракта, ведущего к городу. Гостиница, несколько лавок, рыночек, три таверны. Самая приличная та, что при гостинице. Там хотя бы не

разбавляют. Что и чем, покойный господин Арденн не уточнял, но регулярно оставлял в заведении часть денег, которые стоило бы пустить на починку крыши. Крыша протекала в левом крыле дома, а не у Огаста. Хотя, наверное, у него тоже. Иначе, как вышло, что он, обнищавший землевладелец средней руки, вдруг оказался втянут в темную историю.

Огаста нашла Бальца, наша кухарка, экономка, служанка, птичница… Она вообще была дама универсальная и отличалась монументальной статью. Я рядом с ней смотрелась сущей мышью. Орчанки все такие. Не знаю, что ее удерживало в нашем доме, Огаст перестал ей платить год назад, когда с деньгами стало совсем туго, и мы перебивались с картошки на капусту. Тогда и крыша потекла. Это я так думаю. Может все раньше случилось. Со мной Огаст дел не обсуждал. Жена, тем более такая ущербная, как я, не бог весть какая важная особа в доме, кухарка и то важнее.

Из ущербного во мне была хромая нога и упертый характер. Про характер Огаст сказал. Я считала иначе, но мнением не делилась. Толку? Однако моего характера хватило, чтобы отвоевать у ныне покойного мужа пятнадцать чаров, чтобы рассчитать ушедшую от нас горничную, и еще пять чаров сверху, за нервы. За что была названа жалостливой стервой – интересное сочетание – и наказана невниманием. Невнимание выражалось отсутствием дежурного “доброго утра” за завтраком и “доброй ночи” после ужина. Собственно, эти две фразы обычно и составляли наше ежедневное общение.

Как женщина я Огаста не интересовала, в Кронене он за волокитством замечен не был, иногда ездил в Нодлут. Может, там у него кто-то и был, но я не видела разницы между Огастом до поездки и Огастом после. Вообще не понимаю, зачем ему нужно было жениться. Особенно на мне. С учетом ноги и характера. Из приданого за девицей Двирен была только репутация, сундук с нехитрым скарбом и пособие “королевской невесты”. Сейчас даже репутации не осталось. Зато есть лавка в Нодлуте – свадебный подарок покойной матушки покойного супруга. Лично мне. Прогрессивная дама была, по-моему мнению. Не помню о ней почти ничего, кроме жутко душных духов, гигантского капора и веера из черных перьев из-за которого только нос торчал.

О памяти говоря. Несмотря на возраст не слишком серьезный – двадцать четыре всего – в этой памяти хватало лакун и провалов. Так, я почти не помню детских лет. Девичество и родителей, умерших рано, – пунктирно. И время до замужества тоже. Как будто карточная колода, где половины не хватает, а часть вообще из гадальных затесалось. В общем, в голове картошка с капустой. Или каша. Вот как та, что под ногами хлюпает. И в ботинках уже сыро и гадко, а до дома еще минут десять идти. Собственно, это уже и не мой дом.

Отвлеклась. Я же про Огаста хотела. От него всегда отвлечься легко было, так как он из себя мало что представлял. По его лицу взгляд скользил не цепляясь. Даже за нос, который у всех хоть как-то да выдается, у господина Арден-

на был совершенно невыдающийся. Подбородок вяловатый, глаза блеклые, невыразительные, и лоб так себе. Волосы покойный супруг носил коротко, средне, потом длинно, если жаль денег было на парикмахера.

Денег вообще часто не было. На парикмахера, на починку кареты, на дрова и треклятую крышу из-за которой пришлось закрыть половину верхнего этажа, где располагались комнаты прислуги. Но слуг у нас, кроме Бальцы и приходящей два раза в неделю для помощи в уборке молчаливой женщины, все равно не водилось. Неподходящая у нас в доме атмосфера для слуг была, нервная. Да и платили раз от раза, и с каждым новым разом – все меньше.

В колено щелкнуло, я пошатнулась и угодила другой ногой в лужу. Грязная жижа плеснула, оставляя по берегам ледяную крошку, и хлынула под шнуровку, несмотря на максимально быстрое отступление. Ногу будто кипятком обдало. Вот тьма…

Как бы не заболеть… Уже познабливает, а в доме регулярно топится только печка в кухне и иногда камин внизу. Бальца мне горючий камень, завернутый в рогожу приносила постель греть, но к утру все равно холодно делалось. Благо, ночи тут короткие. Ах, да, я уже говорила. Так что простуду мы лечили сами, как могли. Любимый постулат местных целителей, из доступных кошельку, был: в кривь и вкось, лишь бы срослось, а не срастется – так обойдется. Мою ногу, видно, когда-то по тому же принципу лечили, ладно хоть первым

вариантом ограничилось. Хороша бы я была вообще без ноги. А то, что предмет на трех опорах самый устойчивый, так это только к табуреткам применимо или к некромантам. Я-то к ним никакого отношения не имела, а покойный супруг, оказывается, очень даже. Я про некромантов, к табуреткам все так или иначе как-то относятся. А такой никакой господин был… Ни за что не скажешь, что у него подобные связи имелись.

1.2

Перед главным входом, гордо, но уже незаслуженно носившим звание парадного, стояли две внушительного вида подводы. К слову – не первые. Из дома быстро и аккуратно выносили вещи и так же быстро и аккуратно на подводах укладывали. Я даже залюбовалась, насколько слаженно и оперативно выполнялась работа. Еще бы вещи были не мои, вернее, наши с Огастом, вообще красота.

Тягловые ящерк*и* стояли, как замороженные, только моргали одновременно и через равные промежутки времени. Мне все равно заняться нечем было, вот я и наблюдала. Я бы, конечно, с удовольствием в дом пошла, но пузатый с узорчатыми серебряными медальонами шифоньер, матушки Огаста любимец, очень затейливо поперек двери встрял – по диагонали – и ни в какую. Точно так же и с такой же грацией, как покойная мадам Арденн в общество вписывалась. Видимо, поэтому она ко мне своей загадочной душой и прикипела. Считала, что таким геометрически не подходящим к социуму дамам надо рядом держаться, несмотря на выпирающие углы. Да и грации особой во мне не водилось, даже если хромоту в расчет не брать.

Вот я и ждала скромно в сторонке, пока работники с шифоньером справятся. Огибать дом, чтобы войти с кухонного крыльца – то еще приключение: по одну сторону дома лу-

жа, по другую – сиреневые деревья, вздыбившие дорожки корнями так, что я на своих троих там не проберусь. Вы не подумайте, там никакой экзотики не растет, и я ничего не путаю, просто нигде, до появления в Дат-Кронен (так наша усадьба называется), я не видела настолько древней сирени, чтобы она из кустов в деревья превратилась. Так-то я даже не против, поскольку вся эта удушающая красота цветет на уровне второго этажа, а мои комнаты как раз на первом. Будут мои еще день или два. В зависимости от того, сколько мне времени на сборы выделят. Хотя, что там собирать. Надеюсь, пару платьев оставят. Главное, чтоб мой тайник под подоконником не нашли.

Двери счастливо разрешились бременем с приходом пристава. Тот побуравил комод глазами, достал финтифлюшку, пальцы кренделями изогнул и все сделалось. Даже комод тащить вручную не пришлось – сам до подводы долевитировал, и сам же на место встал, только тележное днище возмущенно хрупнуло. Я представила, как у них в пути все это добро посыплется, если транспортное средство окажется не таким устойчивым к нагрузкам.

О нагрузках говоря, мне пора бы уже и присесть. И так нагулялась выше головы. Колено от сырости разнылось, в ногах и в носу хлюпает, и я даже не соображу, где сильнее.

Пристав, оставшийся у входа, дежурно выразил соболезнования, когда я поднялась, сдержанно извинился за возню и за опаздывающего нотариуса, без которого он не может за-

вершить процедуру. Пришлось изобразить пока еще хозяйку и улыбаться, надеюсь, вышло не слишком зловеще, потому что подуло и вуаль, которую я убрала, соскользнула на лицо и снова приклеилась к губам.

– Ничего-ничего, я не тороплюсь, – заверила его я, справившись с надоедливым атрибутом скорби. – Вы еще на третьем этаже осмотритесь, там много чего есть. – Предложила исключительно из вредности, но очень вежливо и радушно. – Одно крыло закрыто, но можно просто дверь посильнее толкнуть, замок хлипкий, выскочит с полпинка. Подниметесь, маджен?

– Хладен, мадам Арденн, хладен Лодвейн, – поправил меня представитель исполнительной власти и тоже улыбнулся. Широко, ослепительно и зубасто. Что может быть нагляднее, чем вампир-пристав? Только вампир-налоговый инспектор, наверное.

– О! Знаете, там наверху довольно свежо, так что вам будет даже комфортно, – максимально благожелательно произнесла я, стараясь смотреть на него, но мимо наглых темных глаз. Известно же, что вампиру непременно нужен зрительный контакт с объектом, чтоб эта их странная околоментальная магия сработала.

– Здесь у вас везде… комфортно.

– Рада, что вам пришлось по душе. Я буду в кухне, если вдруг понадоблюсь.

До двери под лестницей, ведущую в хозяйственную часть

этажа я дошла вполне степенно, но переступив порожек и эту самую дверь прикрыв, тут же припала плечом к стене и со стоном перенесла вес тела на здоровую ногу. Подышала, и так, по стеночке, потащилась к кухне.

Как Бальца мое шуршание в коридоре услышала, не представляю, однако выглянула и едва не на руках меня до лавки донесла, хоть я и не отличаюсь особенно изящным строением. Орчанки вообще сильные.

– Хозяйка, как можно! Чуть насмерть не уходились. Надо было хоть на телегу присесть, – причитала она, устроив меня поближе к столу.

– С гробом?

– А и демоны с ним! – с жаром отозвалась кухарка, экономка и прочая и поспешно покаялась: – Прости Предвечная, охрани Всесветлый. – И на всякий случай через плечо поплевала. Последнее было как раз не лишним, учитывая, сколько в доме незванных гостей. Вдруг еще кормить их прикажут, а у нас тут никаких разносолов.

Бальца тем временем умудрилась подсунуть мне парящую и изумительно пахнущую чашку, незаметно избавить меня от перчаток, тесноватой шляпки с вуалью, расстегнуть пальто и взяться за шнурки на ботинках. Я на нее зашикала и сама разулась. Мне иногда казалось, что я для Бальцы, как кукла, которых у нее в детстве не было, а хотелось очень. Она вечно норовила меня одеть-раздеть, причесать, накормить. И если с этим мы еще пришли к разумному компромиссу, то

в непременном именовании меня хозяйкой она упиралась, как строптивый ящерок. Первое время мне это было очень странно. Собственно, мне здесь первое время все было очень странно.

Пострадавшие ботинки отправились сушиться, я блаженно вытянула ноги в сторону пышущего жаром очага и с наслаждением отпила из широкой толстостенной чашки. Бальца варила изумительный кофе. Не будь тут кофе, примириться с окружающей действительностью было бы куда сложнее.

– Некромант из Нодлута опять приезжал. Маджен Холин. Тот молодой, что сиренью нашей восторгался и хороводы вокруг нее водил.

“Холин”, – мысленно повторила я и попыталась представить, как можно водить хоровод в одиночку, но получалось плохо. Устала, наверное, да и с фантазией не ах. Некромант был красивый и на некроманта походил не очень, больше на студента отделения словесности – глаза мечтательные и цветочки всякие любит. С удовольствием снова бы на него посмотрела. Общалась я с миром вне усадьбы мало, а после постной физиономии Огаста мне любой красивым покажется. Вон даже пристав-вампир вполне симпатичен, грузчики приятные и ящерки очень милые.

– А еще с ним тип неприятный был из надзора. Они почти сразу на кладбище поехали. Не видели?

Я пожала плечами. Маячили чуть поодаль какие-то типы, но мне не до любопытствующих было, я старательно отыг-

рывала роль скорбящей вдовы. Слезу пустить не вышло, но под вуалью все равно никто не заметил бы, так что я ограничилась печальными вздохами. И кому какое дело, что вздыхала я вовсе не об Огасте, главное – к месту.

1.3

Наверху грохнуло. Опять какую-то раритетную недвижимость волокут? Недвижимость, потому что эту мебель тут как поставили, так она несколько поколений семьи Арденн и стояла, с места не двигаясь.

– Как же теперь, – вздохнула Бальца, помешивая в кастрюльке картофельный суп, на запах которого мое почти отогревшееся нутро реагировало вполне благосклонно. – Куда мне теперь?

– Вернешься к себе в Кронен, работу найдешь нормальную.

Я сунула пальцы за манжет и достала оттуда монету в 5 чаров. Сумма небольшая, но приятная. Собиралась служителя, что Огаста отчитывал, вознаградить, вроде так положено сверх платы за ритуал, но благоприобретенная скаредность взбунтовалась. Пальцем провезла денежку по столешнице в центр, орчанка заметила и тут же в позу встала. Выглядело внушительно.

– Возьми, – попыталась упорствовать я, но меня отругали. И налили супа.

– А занычку вашу я перепрятала, – бухтела кухарка, сунув злополучные чары мне обратно за манжет. – Тут под раковину, где ведро с обмылками стоит, комнаты перероют все, а в помои вряд ли полезут.

Я была увлечена супом, и мне было немного все равно, где мое безумное сокровище в 25 чаров, жемчужные сережки и дарственная на лавку лежит, главное, чтоб не нашли. Деньги не пахнут. Но Бальца! Я в задумчивости почесала длинную царапину на ладони. Не помню, как поранилась. Но я много чего не помню, или вот – забываю.

– И когда успела только? – Это я не о царапине, понятное дело.

– Когда-когда… – отозвалась Бальца. – Да в тот же день. Ясно стало, что супруг ваш не сам преставился, я и перепрятала… Вас разговаривать позвали, а меня как раз отпустили. Вы простите, что я вопила на весь дом, и потом еще, но очень уж страшно он лежал. Лицо все в черных венах и в глазах сплошь чернота, голова на бок свернута и спина дугой. А грудину он, видно, сам себе изодрал, когда дышать нечем было, только вместо крови все такая же чернь, прямо поверх знаков.

У меня в памяти отложилось только два раза, когда я видела Огаста без одежды, и никаких татуировок у него на теле не было, во всяком случае на груди. Грудь вспоминалась хорошо и общая спальня, и даже немного венчание, а вот процесс вступления в законные права мужа над женой – вообще никак. Просто уверенность, что было, и все. Нет, за три года, конечно, можно детали позабыть, особенно если там такие же детали, как невнятный нос, но чтоб совсем вот так… Странно… Я так удивилась, что даже ложку до рта не донес-

ла и решила уточнить:

– Каких знаков?

– Понятия не имею, я ж не училась нигде. Что бабка-шаманка показывала, то и знаю. Амулеткой простой из хозяйственной лавки пользоваться могу, и так, по мелочи, почистить-погладить. Но знаки нехорошие, темные, на крови и силе, как некроманты плетут.

А я и с амулетами не могла. Даже с теми, что для немагов. Все равно хоть какая-то кроха да нужна. На нулевой потенциал и то срабатывают. У меня же этот ноль со знаком минус был.

– А Огаст тут каким боком, он же не маг?

– Да не боком, а целиком. Пусть и не маджен. Слухи ходили, что покойная мадам его от кого-то из старших Крево прижила, а замуж выскочила, чтоб срам спрятать. Она шебутная по молодости была, но с характером. Не красотка, однако внимание привлекала, прям как вы.

Я снова удивилась. Не тому, что я внимание привлекаю, а тому, что на Бальцу внезапно болтливость напала. До случившегося она, кроме хозяйственных вопросов и погоды, со мной мало что обсуждала.

– Когда Смута началась, инквизиция по старым семьям хорошо прошлась, не только Крево под корень извели. Сюда тоже наведывались, проверяли, а значит не слухи то были, а самая правда, – понизив голос до шепота продолжила Бальца, но так уверенно, словно сама лично при всем при-

сутствовала.

Нет, я знала, что орчанка куда старше, чем выглядит, но она же работает тут всего ничего, а про мадам вон сколько знает. Я, кажется, слишком выразительно все это думала, раз она пояснять взялась:

– Я тут и прежде служила. Когда мадам не стало – ушла, а как узнала, что хозяин жену привез, так и вернулась, подумала, что вам с таким нелюдимым типом совсем тоска будет. Он и женился только оттого, что без наследника усадьба короне отошла бы. Кроме своих коллекций знать ничего не хотел, и вас будто только по трости и выбрал. А вы?

– Что я? Зачем жени… Замуж пошла? А кто меня спрашивал?

Бальца слегка смутилась и принялась шумно переставлять тарелки и сковородками греметь. Я покосилась на свою надежду и опору, простую, даже грубоватую, с круглым костяным навершием в розетке из листьев. У Огаста в коллекции были шикарные трости. Я однажды все перетрогала, когда он в Нодлут ездил, думала выпросить какую-нибудь, но он как-то узнал о моем самоуправстве и так вопил, что даже мне понравился немного. Впервые за полтора года совместной жизни. Что-то в нем настоящее проступило, живое. А в следующие полтора был только тот случай, когда он меня стервой назвал.

Я задумчиво шкрябнула по дну тарелки. Даже не заметила, как все съела. Бальца обернулась на звук, посмотрела на

меня внимательно и, снова перейдя на шепот, спросила:

– И вы совсем-совсем ничегошеньки не слышали? Хозяйский кабинет же как раз над вашей спальней.

Я покачала головой, что ничего. Я и дознавателям в разных вариациях об этом же говорила, только смотрели они на меня точно так же, как и экономка – с сомнением.

– И когда поднимались наверх он вам странным не показался? – допытывалась Бальца. – Он весь день нервный был. Будто ждал кого.

Днем я Огаста не видела. Дом не такой уж большой, но в нем достаточно места, чтоб вполне успешно друг друга избегать. Да и обедали мы с ним порознь: я обычно на кухне, а ему в кабинет подавали, если он дома был.

– Когда? После ужина? – уточнила я.

– Позже, когда ко сну приготовились и прочему.

– Чему прочему?

– К… супружескому долгу. Как всегда, в первый день месяца, – забрав пустую тарелку и подозрительно косясь на меня, проговорила экономка.

Никогда не думала, что от удивления может в горле спирать и пробирать ознобом, но вот же… А я, оказывается, раз в месяц примерная жена, вот только не пойму, жалеть мне, что я об этом не помню, или порадоваться.

– И когда я, – продолжая удивляться спросила я, – туда поднялась?

– Сразу после полуночи. Обычно хозяин сам к вам при-

ходил, я потому и выглянула на шум.

Вот так номер.

– На шум?

– У вас трость упала почти с верха, я ее потом к вам отнесла, все равно уж выглянула.

Все страньше, как говориться, и страньше. Комната Бальцы, вопреки традиции селить слуг повыше, тоже была внизу. Я настояла – наверху холодно и крыша текла. Потому орка жила рядом с кухней в комнате, где хранилась посуда, столовые приборы, а также полотенца, скатерти и прочий кухонный текстиль.

– Ты… говорила про это… кому-нибудь?

– С чего бы мне? – теперь Бальца удивлялась. – Отродясь про хозяйские дела не болтала.

1.4

Это случилось позавчера, а кажется, неделя прошла – столько суматохи Огаст своей кончиной развел. Накануне скорбного утра было очень пасмурно и весь день стоял туман. К вечеру же он сделался настолько густой, что приходящая служанка боялась идти домой в Кронен – на два шага вперед не было ничего видно. Но все же пошла, будто ночевка у нас пострашнее тумана. Мы с Бальцей отжалели ей фонарь со светсферой, и я снова предложила заночевать в усадьбе, но она только губы сжала и нырнула с крыльца в серый студень. Я подсознательно почему-то ждала каких-то звуков, вроде причмокивания или сытого урчания, но было тихо, только плотная, почти не тающая дымка вяло ползла на порожек в дом. Бальца захлопнула дверь. Я сказала, что хочу лечь и вернулась к себе.

После ужина, за которым я удостоилась целых двух фраз и кривоватой ухмылки перед тем, как традиционно уединиться наверху, Огаст велел растопить камин в холле.

Моя комната примыкала одной стенкой к каминной трубе. Воздух в помещении прогрелся и стало даже тепло, поэтому грелку мне Бальца не принесла, ограничилась чашкой чая и насыпала на подоконник зерна.

– Зачем? – спросила я, впервые за две недели вымывшись без цыпок по всему телу, а ночная сорочка и халат не каза-

лись вынутыми из склепа.

– Не нравится мне это, – ворчала экономка. Зерно она выровняла аккуратным рядком, пошептала и солью еще один ряд насыпала, а разбирая постель, сунула мне под матрас две плетенки с бусинками и мелкими куриными костями. – Чай пейте, а то стынет.

Чай пах лимонником и мятой, но меня и без того в сон клонило, и мысли были вялые, будто в голове такой же туман.

Уснула я тогда практически сразу, как орчанка ушла, почти что без своих обычных метаний.

Думала, что уснула.

– Если вы боитесь, что вас подозревать станут, так с чего? – по своему оценила орчанка мое молчание, громыхнув кастрюлей. – Какой из вас некромант, когда вы даже светсферу сами зажечь не можете. Лучше шли бы переодеться, а то подол весь в грязище. Только дверь на засов закройте, а то ходят тут всякие…

– Сплетничаете? – раздался у входа низковатый и какой-то урчащий голос пристава.

– Поминаем, – отозвалась я и с сожалением посмотрела в опустевшую чашку.

– Жаль отвлекать от такого увлекательного времяпрепровождения, но там нотариус прибыл и господа из Управления по магическому надзору, – ластящимся дворовым котом затарахтел вампир. У меня даже рука дернулась кровопивца за

ухом почесать.

Довольный произведенным эффектом пристав просиял улыбкой из коридорного полумрака, явил себя на свет и подал локоть.

Я вздохнула. Переодеться не успела и на ногах вместо приличной обуви вязаные чуни, которые мне Бальца дала. Да и бездна с ними, можно подумать, они хуже, чем грязь на подоле и выбившиеся из прически локоны.

Пристава я проигнорировала. Лучше проверенная трость, чем случайный локоть.

После протопленной кухни я мгновенно покрылась мурашками и пожалела об оставленном пальто. Новоприбывшие топтались в холле. Присесть там было уже некуда, разве что на ступеньках лестницы. Я пригласила всех в столовую. А куда еще девать такую ораву? Тем более что там, как ни удивительно, стулья еще стояли.

Нотариус нудно читал с листка, а я засмотрелась на некроманта. Случается же в природе такое сочетание красоты и мужественности. Хо-о-олин… Как карамельная тянучка. И воспитанный. Нос не морщил и не кривился при виде моего платья и выглянувшей простецкой обувки. Не то что тот, что с ним был. Форма похожая, только нашивки разные. И выражения на лицах.

“От уксуса куксятся, от горчицы огорчаются”, – пропело у меня в голове забавным девчоночьим голоском.

Этому типу, судя по физиономии, сегодня перепало и то-

го, и другого.

Мне протянули стопочку бумаг для подписи, и я ответственно принялась их изучать. Читала я медленно, потому что приходилось едва не заново всякий раз вспоминать, как бук… знаки речи выглядят, но если начинала проговаривать вслух, дело шло быстрее. Начну бормотать – еще примут за сумасшедшую. Подождут. Их тут не семеро. Хотя, этот хмурый яду на десятерых уже налил. И мне досталось больше прочих, так как он сидел рядом.

“Ели бы сдобу – добрели…”

Представила его с булкой в руке. Нет. С калачом. Тертым. Картинка настолько не вязалась с угрюмым лицом…

– Нашли что-то забавное?

Пусть улыбка слегка с истеринкой, у меня все шансы снискать лавры веселой вдовы. Полный дом мужчин на меня одну: пристав-вампир с помощником, нотариус, некромант и калач. А во дворе еще грузчики с ящерками…

– Подписывайте уже.

Это же надо уметь разговаривать не разжимая зубы! И ноздри дергаются. Нервный какой, ему бы чаю с ромашкой.

– Не знаю, что вы за птица, уважаемый, но ощущение, будто вас на улице воспитывали, – не сдержалась я, заслужила заинтересованный взгляд красавца-некроманта и смутилась. А вот хладен Лодвейн совсем не смущался и даже позволил себе рассмеяться.

– А вы точно не были знакомы, Пешта? А то она о вас

подозрительно много знает.

– Как хорошо, что хотя бы кому-то происходящее доставляет удовольствие, – отозвался калач.

– У меня жена на сносях, и мне теперь все, что не дома, доставляет удовольствие.

– Холин, я зря теряю время, – поименованный Пештой шумно отодвинулся вместе со стулом, встал и направился к выходу. Некромант поднялся следом, проходя мимо, коснулся моего плеча и снова меня смутил.

– Прошу прощения, госпожа Арденн. Мы поднимемся наверх, в кабинет вашего мужа.

Всегда к некромантам с подозрением относилась, но вот с этим даже под сирень гулять бы пошла, несмотря на выпирающие корни, или даже как раз из-за них, чтоб нечаянно упасть прямо в его гла… Ладно, он все равно слишком хорош для такой, как я.

– Надеюсь, эти стервятники там ничего не трогали? – эхо в пустом холле гуляло просто великолепно и в столовой все было слышно.

– Как ты и просил, но что ты хочешь там найти, все осмотрели уже не единожды, и ты сам в том числе.

Выходит, господин из надзора здесь не впервые. Но ничего удивительного, что я его не запомнила. В тот день, когда все произошло, в усадьбе резко стало столько народа, что у меня случился социальный шок, и к вечеру лица дознавателей слились в один аморфный лик. Я, кажется, только на

инквизитора реагировала, и то только потому, что он был в бордовом, а не в черном или темно-синем, будто снегирь среди ворон и галок.

Как только исчез раздражающий фактор, я быстро закончила с бумагами. О том, что усадьба, все, что в ней есть, и земля, на которой она стоит, больше не является собственностью семьи Арденн, мне сообщили еще в день кончины Огаста. Теперь Дат-Кронен принадлежит инквизиции. Самое время порадоваться, что покойный супруг меня в завещании даже не упомянул. Не знаю, чем он руководствовался, но явно не добрыми помыслами и заботой о моем будущем. Вот и вышло так, что долги остались при нем, а подаренная его матушкой лавка – при мне.

1.5

Руководствуясь позицией пепел к пеплу, попросила Бальцу растопить камин в холле. К чему теперь уж дрова экономить? В процессе реквизирования дом выстудили до звона, и после бумажных дел у меня зуб на зуб не попадал. Господа представители властей так и сидели в пальто, а я, как дура, в своем вдовьем платье, которое ни теплое ни разу, пусть и по традиции максимально закрытое. Зато я в черном очень стройная. Теперь мне придется долго стройной быть. Может даже еще постройнею, потому что совсем не представляю, на что мне дальше жить.

Сейчас бы самое время поскорбеть, благо, поводов хоть отбавляй, но дела до моей скорби никому не было, вот я и не скорбела. Хотя нервничала изрядно. Столько полярных эмоций кого угодно переживать заставят: некромант с карамельной фамилией и его желчный товарищ, урчащий котом вампир с незаметным помощником. А когда я нервничала, то доставала из комода блокнот для эскизов, пару угольных карандашей, стащенных из кабинета Огаста, и рисовала, не слишком следя за тем, что именно. В голове в этот момент делалось пусто и спокойно, что мне, собственно, и было нужно.

Дверь я оставила приоткрытой, чтобы слышать, когда отправившиеся наверх некромант и надзоровец спустятся. Не

знаю, что было в этих комнатах, вернее, комнате и ванной, прежде, до моего появления в доме, но стоило плотно прижать двери, как все внешние звуки пропадали. И действовало это в обе стороны. Я как-то даже поорала ради эксперимента и в свое удовольствие. Никто не бросился проверять. Результат, конечно, сомнительный. Бальца могла не услышать, потому что кухня далеко – три стенки и холл с коридором, а Огасту – просто было все равно. Ему делалось не все равно, только когда я являлась денег просить. Ну, может еще в первый день месяца, что тоже сомнительно. Не верить орке у меня оснований не было, но почему-то верилось с трудом. Не чувствовала я с мужем близости, ни душевной, ни прочей.

Однако моя регламентированная календарем интимная жизнь внезапно обрела подтверждение.

Сначала я услышала голоса и шаги. Не понимаю, какой чер… Демон. Не понимаю, какой демон меня дернул вскочить и бросится к двери, но она распахнулась практически в то же время. Искры из глаз я не только увидела, но кажется, даже почувствовала. А еще почувствовала, какой твердый у калача подбородок, не чета подбородку господина Арденна, чтоб ему не вставалось. Мне тоже хотелось прилечь. Вот прямо в подставленные руки маджена Холина. Естественно, что блокнот тут же был мною безжалостно уронен, чтоб не мешал. А что? Я скорбящая вдова и мне поддержка нужна, пусть и так внезапно.

Едва не лишивший меня сознания надзоровец пошатнувшееся тело проигнорировал, если не считать процеженной сквоз зубы брани, стремительно направился к окну и с видом весьма удовлетворенным подцепил что-то с подоконника.

– Полагаю, незачем ждать до завтра, – высокомерно заявил мужчина. – У меня достаточно полномочий для оглашения обвинения.

– Не слишком ли? Из-за пары зернышек риса на столе в кабинете, – слегка засомневался некромант.

У маджена Холина замечательный голос и теплые руки, даже горячие. А в открытую дверь из коридора сырым воздухом тянет и от него по спине озноб. Или это от взгляда Пешты? Собственно, разницы между этими двумя явлениями совершенно никакой.

– Их могла и служанка обронить, – резонно заметил Холин.

– Могла. Но и госпожа Арденн тоже. И пару зернышек риса, – он с мерзким скрипом провез пальцем по подоконнику, подцепив очередное, только ему значимое доказательство, – и пару капель крови. Или не пару, а чуть побольше, много больше… Вы ведь навещали мужа той ночью?

– Не ваше дело, – возмутилась я.

– Всем сердцем на это надеюсь…

– А оно у вас точно есть?

Надзоровец растянул губы – его щека странно дернулась, будто мышечный спазм, а не улыбка, – и полез под отво-

рот пальто, мигнувший значком надзора. Проверять наличие упомянутого органа?

Вместо сердца там оказался слегка замятый циркуляр, благодаря которому моя жизнь снова совершила головоломный кульбит. Даже внезапная смерть Огаста на нее не так повлияла, как эта гадкая бумажка.

– Госпожа Огаст Арденн, Малена, урожденная Двирен, нола. Настоящим вы обвиняетесь в покушении на убийство вашего мужа господина Огаста Арденна и (или) в содействии оному… Так, это неважно… А, вот… На время ведения следствия Управлением магического надзора при конгрегации и Королевским судом Нодштива вам будет назначен надзирающий офицер. Вам надлежит сообщить представителю УМН о месте проживания и до вынесения приговора не покидать указанное место без сопровождения и соответствующего распоряжения.

Симпатичный некромант отпустил мои плечи и сделал шаг назад. Все верно, к чему убийце, даже предполагаемой, чьи-то теплые руки? Я в замешательстве посмотрела на свои. Царапина выглядела даже не царапиной, старым поджившим шрамом. И чесалась так же, стоило о ней вспомнить.

Оглянулась. Трость стояла у кровати. И я тоже осталась стоять, где была, хотя колено уже принялось протестовать. Похромаю за тростью – буду выглядеть жалко и совсем не привлекательно, пусть я сейчас по всем статьям (ха-ха, статьям!) дама в беде. А мне в кои-то веки хотелось выглядеть

привлекательно. Вот… тьма. Не хватало еще влюбиться, как школьница, в случайного некроманта. У него порода на лбу прописана метровыми рунами. А я никто. Я теперь никто без сопровождения и соответствующего распоряжения.

1.6

Получается, что вампир не сразу сообщил о прибытии очередных представителей власти и дал возможность этому калачу пошарить у меня в комнате? Или здесь все осмотрели еще тогда, в день смерти Огаста, пока меня допрашивали? Или чуть позже, когда опись имущества составляли, пометив вещи магическим клеймом, похожим на четырехлепестковый клевер. Неважно. Теперь это не важно.

– Итак? – произнес господин Пешта и выжидающе уставился на меня своими темными буравчиками. Не пойму, кто он такой. Маг? Оборотень? Какой-то полукровый темный? Просто крайне неприятный тип?

– Что?

Голос, кажется, единственное, что осталось устойчивым в моем положении, а руки неудержимо хотелось упереть в бока, но благородные дамы так не делают. До сих пор себя иногда одергивать приходится, раньше – чаще.

– Ведан Пешта как представитель УМН, видимо, желает узнать о месте вашего проживания, поскольку отсюда вам придется съехать в ближайшее время, – вежливо и спокойно пояснил Холин.

– Завтра, – подлил яду калач. – Итак?

– Нодлут, Восточный, улица Звонца, дом шесть, – ответила я, словно дарственная была перед моими глазами. Я лю-

бовалась ею – своим единственным имуществом – слишком часто, чтобы не запомнить.

Он кивнул, щелкнул ногтем по значку надзора, будто у него там записывающий артефакт был, и прошествовал мимо меня к выходу. И некроманта забрал. Холин, по крайней мере, попрощался.

Ведан. Значит ведьмак. А мне показалось, что он темный. Впрочем, ведьмы тоже темными бывают.

Я бы так и стояла в полной прострации, если бы рядом не раздались тихие шаги. Источником шума оказался тот самый незаметный помощник пристава, черноволосый, бледнокожий, как все их племя, парень-вампир. Он поднял мой блокнот с пола, какое-то время с удивлением рассматривал, нехотя закрыл и протянул мне. Лучше бы он трость подал.

Надо же было так проколоться… Хотя, что местный житель может понимать в автомобилях, особенно в автомобилях, летящих в реку от того, что лопнула шина, а тормоза старые и дорога недавно после дождя, и ограждение у моста сплошная условность…

До трости я доковыляла сама. Подумала и села прямо на кровать. К демонам приличия.

Вампир смутился. И было видно, что вопросы о рисунке вертятся у него на кончике языка.

– Что вам нужно? – устало спросила я. День все никак не заканчивался, в отличии от моих сил.

– Лайэнц Феррато, госпожа Арденн. Я ваш временный со-

провождающий. Мне велено помочь вам собрать вещи и… Завтра утром за вами пришлют экипаж.

Я не ответила ничего. Даже не посмотрела в его сторону. Легла и подтянула к себе ноги, сворачиваясь в клубок. Не видела, как он ушел, смотрела в окно. Большое, но часть его всегда была прикрыта заклинившим косовато висящим наружным ставнем. На ставне сидел ворон. Не ворона, именно ворон. Здоровенный черный птиц с мощным темным клювом и когтистыми лапами. Одно крыло странно оттопыривалось, будто было когда-то сломано и срослось неудачно, вроде моей ноги. Он склонил крупную голову на бок и смотрел прямо на меня круглый глазом, внезапно отдающим огненной желтизной. Глупости. У воронов не бывает желтых глаз, и вороны не подглядывают в окна вдовам. Птица продолжала таращится, я тоже, упрямо открывая слипающиеся глаза.

Пришла Бальца и заставила меня раздеться и приготовиться ко сну. Когда я вышла из ванной, меня ждала чашка, как всегда. Только сегодня чай был другой. Принюхалась – запах тревожил.

– Вам надо, – безапелляционно заявила орка и подхватив чашку своими широкими ладонями поверх моих, поднесла к моему же рту. – Это ведьмачий успокоительный сбор, я иногда делаю вам похожий, только не такой сильный. Пейте. Иначе вовсе не уснете. Глаза совсем дурные. А вам в истерику бросаться сейчас никак.

– Но мне еще…

– Я сама все соберу.

Она подождала, пока я допью, и только потом ушла.

И ворон улетел.

Уставший и одурманенный травами организм смежил, наконец, веки и прекратил бороться. Это был такой ритуал – не засыпать как можно дольше, чтобы в итоге отключиться и не видеть снов. Я боялась…

…что снова окажусь в той жуткой комнате, душной и воняющей кровью, болью, страхом, от которого сводит скулы, и колени становятся ватными, и я опускаюсь на исчерченный знаками круг из черного стекла, которое растет сквозь меня; и я кричу, но меня не слышно, потому что вокруг четверо говорят как один, а от них ко мне тянутся невесомые темные ленты. Они становятся плотнее, я перестаю слышать, но не перестаю кричать. Мне приказывают беззвучно, и я подчиняюсь. Закрываю рот и забываю себя…

…что снова окажусь в странном месте, где нет света, но полно теней, и я – одна из них, и властный низкий голос читает нараспев на непонятном языке, заставляет слушать; и я не могу не слушать, потому что у меня здесь нет голоса, и потому что от меня к тому, кто говорит, тянутся призрачные нити. Они становятся плотнее, я начинаю разбирать слова, но по-прежнему не могу говорить. Мне приказывают, и я подчиняюсь. Открываю рот и беззвучно повторяю вслед за ним…

Но еще больше, чем засыпать, я боялась просыпаться. По-

тому что всякий раз, перед тем, как проснуться…

Хлопок, рывок, визг, удар, мгновение невесомости, удар, и невероятная тяжесть давит на грудь и нечем дышать. И я не дышу.

…я умираю. А потом открываю глаза и хватая ртом сладкий вкусный воздух, повторяю беззвучно:

– Меня зовут Малена Арденн, мне двадцать четыре, я жена Огаста Арденна, землевладельца из Дат-Кронен…

Чтобы не забыть себя. Чтобы вспомнить себя. Чтобы снова быть живой.

Глава 2. Великое переселение.

Мы поедем, мы помчимся…

Главное, чтобы оленей на пути было не очень много.

Возможно, меня разбудил звук. Странный. Сухой щелчок или хруст…

– Меня… меня з-с-совут Ма-малена Арденн, м-мне двадцать четы… четыре, и я… Я вдова.

Восстановив дыхание, подождала, пока утихнет жжение в груди и перед глазами прояснится… И поняла, что в комнате кто-то был. Не “есть”, именно “был”. Словно животное, знающее каждый миллиметр своего логова, каждый запах… Запах.

Я вскочила. Рука, не найдя трость на привычном месте у изголовья, провалилась, и я всем весом встала на треклятую ногу, которая конечно же не захотела меня держать. Обломки трости нашлись тут же. Часть лежала у моего носа, а часть под кроватью, будто кто-то торопливо пытался спрятать следы вандализма. Из-под пола тянуло подвальной сыростью и, почему-то, свечным воском. Этот терпкий сладковато медовый флер вызвал странную реакцию – руки покрылись трусливыми цыпками. А может дело было в едва заметных отпечатках ботинок на полу. Один я, падая, смазала рукой…

И почувствовала взгляд. Дежавю какое-то. На кривом

ставне сидел ворон с перекошенным крылом. Смотрел укоризненно. Невероятный бред – рассмотреть выражение вороньих глаз на расстоянии полутора метров сквозь стекло. Птиц нахохлился, потом вытянул шею, каркнул – я видела, как приоткрылся светлый по краю клюв – и черной тряпкой сиганул прочь.

Дверь открылась. Я там и замерла – в странной позе на полу. Бальца, видимо, была женщина с богатым опытом, раз вид принюхивающейся к наборному паркету хозяйки ее не смутил. А вот юноша-вампир смутился, вспыхнул ярким румянцем на бледном лице и поспешно спрятался поглубже в коридор.

Орка помогла встать. Но. Она никогда прежде не приходила меня будить, я всегда просыпалась сама, сама одевалась и выходила к завтраку. Что произошло?

– Экипаж прибыл.

Ясно, а у меня ни вещей в чемоданах, ни трости. И нога болит.

– Иди, я… сейчас.

Посидела, задрав сорочку и любуюсь на сбитые коленки на двух совершенно одинаковых ногах. Никаких внешних следов того, что увечная левая чем-то от правой отличается. Разве что синяк на ней больше будет, судя по расплывающемуся красному пятну.

Встала, оделась. Сама. Зря, потому что снова пришлось тут же у шкафа на банкетке присесть и перевести дух. Чулки,

подвязки, белье, нижняя рубашка, нижняя юбка, корсет… К демонам бы корсет, но с ним теплее. Платье – длинные рукава, высокий воротник-стойка. Черное. У меня в шкафу необычайно много черных и прочих темных платьев, и одно – красное. Очень красивое, с открытыми плечами, бисерной вышивкой по лифу и краю верхней юбки, которая на свету отливает огнем. Тоже подарок. И тоже от матушки Огаста. Такое же непрактичное, как лавка в городе. Есть и ладно. Ношеные платья приставов не заинтересовали, а за красное я слегка беспокоилась. Нужно обязательно забрать это единственное яркое пятно в моей теперешней жизни, пусть и надеть я его не могу.

Снова пришла Бальца. Бесцеремонно отодвинула мои коленки, извлекла из недосягаемых недр шкафа огромный чемодан, больше похожий на гроб, и поймав направление моего взгляда, первым делом уложила красное. Когда последний яркий сполох скрылся под практичным черным, коричневым и прочим обыденным, я оставила место погребения, облачилась в притащенные экономкой ботинки и пальто, прихватила шляпку с ненавистной вуалью и вышла.

Я опять все пропустила? Кабинет Огаста за утро успел переехать вниз. Все ценные вещи из кабинета, включая массивную тяжелую мебель громоздились угловатой грудой рядом с выходом. Я остановилась у камина и как раз присматривалась к стойке с коллекцией тростей. Пыталась понять, стоят ли на них учетные печати и можно ли одну умыкнуть.

Сустав горел огнем, и его словно выворачивало. Несколько метров от комнаты до каминной полки вдоль стены дались ценой взмокшей спины и дрожи в руках. Обычно, если случалось остаться без поддержки, я великолепно прыгала на одной ноге на длинные дистанции, но сегодня даже этого сделать не смогла. Теперь стояла и дожидалась милого мальчика Лайэнца, который несколько минут назад потащил мой багаж наружу и обещал вернуться, чтоб дотащить и меня.

– Ненавижу это место, – процедил вошедший, споткнувшись о край свернутого рулоном ковра. Он явно не ожидал, что его услышат. Замер.

В холле было темно. Свет то ли не зажигали, то ли погасили, после того как спустили вещи, на улице – серая хмарь, а я – в черном, потому меня не сразу заметили.

– Вы здесь.

– Как видите.

– Экипаж ждет только вас, может закончите с прощанием и выйдете уже из дома?

– Разве что вы меня донесете.

– Где ваша трость?

Хорошо, что его лица в полумраке не видно почти, представляю, каким бы оно было, если он *так* говорит. Будто ему предложили жабу лизнуть, а не даму проводить. Я по натуре человек вежливый и спокойный и не имею обыкновения хамить, даже если хамят мне, вежливость иной раз пострашнее хамства, но очень нога болела, а потому ведьмак-надзо-

ровец раздражал до крайности. Что ему вообще тут нужно? Посчитал, что Феррато не справится?

Женщина в расстроенных чувствах может все: и на скаку, и на одном крыле, и на одной ноге, вот честное слово. И когда я с гордо поднятой головой мимо дефили… шла почти уверенно, калач выщелкнул под потолок желто-зеленый ослепительно яркий шар, провел ладонью над стойкой с коллекцией, цапнул ближайшую к себе трость и мне сунул с такой миной, будто я у него последнюю полушку отбираю.

Уверенности прибавилось. И я даже нашла в себе каплю благодарности, чтоб на “спасибо” хватило, но тут как с 5 чарами для священника, вроде как положено, но не обязательно. Оставим при себе. С тем и вышла и спохватилась уже у экипажа, что не забрала свое сокровище, но тут явилась Бальца и протянула своей беспамятной хозяйке саквояж.

– Я там в дорогу собрала. Пусть и недалеко, но вы не завтракали, – и подмигнула. – И баловство ваше тоже сложила. И адресок племяшки, если помощь в обустройстве нужна будет. Доброй дороги, милая. – И вдруг прижала к пышной груди и в макушку чмокнула. В замерзающих ушах отдалось звоном – шляпка так и болталась у меня в руке. Вот и попрощались. Три года под одной крышей, а прощаний и на минуту не вышло. Жаль, я не поняла, чем семейство Арденн заслужило от Бальцы подобную верность. В глазах предательски защипало.

– Довольно, – прозвучал позади желчный голос. – Фер-

рато, что вы стоите? Помогите, – мне вдруг явственно послышалось “этой”, хотя он сказал другое, – госпоже Арденн сесть.

Если этот тип еще и поедет с нами, два часа до Нодлута превратятся в очень нервную и неприятную вечность. Однако вселенная решила, что гадостей для меня на сегодня достаточно.

2.2

В этой жизни мне не слишком часто доводилось путешествовать, а в прошлой… Последнее путешествие как раз и привело меня сюда, что совсем не добавляло благодушия.

Едва экипаж тронулся, я принялась изучать содержимое саквояжа. Этюдник тут же высунул угол, и глаза хладена Феррато алчно заблестели.

Я не люблю разговаривать в дороге, особенно когда дорога не ахти какая ровная, а рессоры у экипажа разболтанные. При таких исходных выражение “прикусить язык” обретает первоначальный смысл. А вот Лайэнц общаться любил, хотел и общался, хоть я и напустила на себя максимально отстраненный вид. Даже подумывала шляпку надеть и вуалью занавеситься, но это выглядело бы совсем уж странно, а молоденький вампир был весьма мил. Он несколько раз попытался поговорить о погодах, сплетнях и новостях, а сам хотел о другом, только не знал, как подступиться.

Экипаж в очередной раз подпрыгнул, Лайэнц, кажется, все-таки прикусил себе язык, потому что лицо у вампира сделалось несчастное, и я протянула ему блокнот в качестве утешения. А заодно в надежде, что со мной перестанут разговаривать. Отвыкла я от разговоров, пока была женой, да и до этого особенно разговорчивой не была.

Место, где я провела юные годы, располагалось в Север-

ном районе Нодлута и помпезно, и на мой взгляд, двусмысленно, звалось “Сад благодати”, будто дом увеселений, а не учебное заведение закрытого типа для девочек.

Эта юдоль уныния позиционировалась как пансион благородных девиц, хотя в наших стройных, не стройных и средней упитанности рядах присутствовали девицы различных социальных групп. Одаренные держались особнячком: темные отдельно, светлые отдельно. А прочие скорбные духом (дар ведь часть души) – на отшибе. Этот отрезок жизни воспринимался, как старый, когда-то виденный фильм: ни названия, ни сюжета толком не вспомнить, но вот мелькает знакомый кадр и где-то отзывается. Той меня, что здесь и сейчас, там и тогда еще не было, а кадры и сцены, доставшиеся в наследство не радовали многообразием.

Выпускниц-бесприданниц тактично называли Королевскими невестами и те, кому не удалось до выпуска подписать помолвочное соглашение, отправлялись на вольные хлеба. Смотрины и благотворительный бал по случаю, проводили раз в полгода в магистрате. На моей памяти (из того, что я помню) Его величество Ионелл Второй Клодиу мероприятие под эгидой короны ни разу не посетил.

Мне повезло как раз в последний мой год в “Саду”. Жениха я в глаза не видела, просто на следующее утро меня вызвали к директрисе и протянули соглашение, в полной уверенности, что отказа не последует. Еще бы, учитывая все мои достоинства и предстоящие перспективы. До выпуска оста-

валось пару месяцев и будущее выглядело так же уныло и безрадостно, как сейчас. С небольшой разницей. Мне сложно судить, какой была Малена, но мне все время казалось, что похожей на меня, иначе вряд ли мы бы так быстро пришли к консенсусу. Маги, а в особенности часто пользующиеся этим преимуществом в работе некроманты, называют подобное состояние тандем. Когда два сознания действуют в общем информационно-магическом поле. И нет, я не умничаю, просто немного образованная.

Тому что я не путалась в столовых приборах, отличала кларет от кларнета, сносно музицировала и рисовала и знала, с какой стороны держать книгу и что с ней делать, я обязана "Саду благодати". А еще горячо любимым мною в прошлой жизни сериалам об английских семействах.

В первый год мне пришлось очень много читать и еще больше наблюдать. Обычно я совмещала. Это было удобно. Читала в основном газеты, что выглядело наименее подозрительно, а потом, когда они перестали приходить, таскала книги у Огаста, пока его дома не было. Прямого запрета мне не озвучивали, и господин Арденн даже ничего не сказал, когда обнаружил забытые мною в столовой "Очерки о расах и народах", только удивился. Действительно… Читающая жена – явление редкое, а жена, понимающая написанное – и вовсе нечто невероятное! Думаю, я могла бы открыто пользоваться его библиотекой, но брать книги тайком оказалось интереснее – у меня было не так много развлечений.

Сначала квест, чтобы подняться в кабинет. Лестница наверх, хоть и пологая, но длинная. Два пролета. А вниз можно и с ветерком. По перилу. Правда, после пары неудачных приземлений, решила, что для такого способа передвижения я недостаточно уравновешенная особа. При скатывании вниз все время хотелось поорать что-нибудь вроде “йухху”, только неприличное. Да и физиологически смещенный центр тяжести не всегда следовал заданной траектории.

Экипаж дернулся, а лавка, просев на мгновение, обратным ходом как раз по центру тяжести поддала, подбив меня на непристойности – я охнула и уткнулась носом в грудь сопровождающего. Хм, приятный запах, прохладный… Отчего-то на ум пришел образ растущего на склоне эдельвейса.

Вампиры, как все долгоживущие, очень ловкие ребята, а потому окончательного падения не состоялось. Меня очень тактично и слегка смущенно поймали и усадили обратно. Вот хладен Лодвейн точно смущаться бы не стал, а может еще и придержал бы… Не только ловкие, но и неприлично привлекательные. Не так как эльфы, конечно. В плане привлекательности, а не неприличий. Об этой стороне жизни дивных ничего достоверного мне известно не было, а свои личные фантазии по этому поводу я в расчет не брала. Это же реальность, а не сказки для девочек. Но уши – да. Уши были. Равно как клыки у вампиров, зеленоватая кожа у орков, невысокий рост и большие ступни у хоббитов и бороды лопатой у гномов. А у магов – магия. У темных еще сквер-

ный характер был. И у ведьмаков, видимо, тоже. Или это от профессии зависит? Вот маджен Холин… Тьма, прямо в жар бросило. Маджен Холин к примеру – с виду очень приятный человек, хоть и темный, и в Управлении магического надзора работает.

– Вам нехорошо, госпожа Арденн? – забеспокоился сопровождающий с трудом оторвавшись от разглядывания рисунков.

– Что? Мне? С чего вы взяли?

– У вас румянец и сердце частит.

– Ничего, хладен Феррато, просто вспомнилось, – ответила я и вздохнула максимально горестно. Ну, как вышло. Пусть сам додумывает.

А я уставилась в окошко. Громада города была рядом и неумолимо придвигалась все ближе, как и необходимость принимать решения. Самой. Одной. Какой кошмар… Как жить в магическом мире, когда не в состоянии пользоваться обычным вещами? Это все равно что неандертальца к компьютеру посадить, но от битья головой о твердые поверхности толку не будет, придется и руки приложить. Но где я, а где средневековый быт? Ну, положим, плиту я растоплю и даже что-нибудь приготовлю. Но не хлебом же единым… Впрочем, учитывая настрой ведана Пешты и зачитанное им обвинение, мне недолго страдать осталось. Одна надежда на то, что если меня и забросит еще куда-нибудь, тот мир будет куда привычнее и благожелательнее теперешнего.

2.3

– Какая занятная повозка, – наконец разродился Лайэнц. Над последним из моих художеств он зависал дольше всего. – Это ваша фантазия?

– Сон такой странный, странная повозка летит с…

– А с большой скоростью летит?

– Смотря с какой силой пнуть, – задумчиво произнесла я, не отрывая взгляда от приближающегося города.

Вампир умолк и его замешательство повисло между нами вуалью. Потом он издал невнятный звук, зашебуршал у себя по карманам и так азартно стал скрипеть карандашом, что я отвлеклась от окна. Лайэнц, высунув кончик языка, выводил столбики значков и чертил вокруг рисунка затейливые линии прямо в моем блокноте.

– Возьмите себе.

– А?

– Говорю, возьмите рисунок, раз он вам так понравился. Я себе еще нарисую.

Если бы там было исключительно мое творчество, отдала бы вместе с блокнотом, но мне он достался уже частично с рисунками, и я считала себя не вправе распоряжаться ими так вольно. Отчего-то я трепетно, как скряга, относилась ко всему, что осталось от той, другой Малены.

Ближе к городу дорога была ровнее и экипаж стало трясти

меньше, а меня – наоборот. Сделалось тревожно и… ладно, страшно. И я отчаянно гнала мысли о том, сколько мне осталось и как.

А может и зря, что ведьмак с нами не поехал. Он бы раздражал меня, я его и думать о печальном будущем было бы некогда. Интересно, ему не нагорит за благотворительность? Я подтянула трость поближе, чтобы рассмотреть как следует. Погладила пальцами покрытую потемневшим от времени, а может, специально черненым серебром костяную рукоять в виде птичьей головы с гладкими круглыми каменными глазами, темно-красными, как начавшая сворачиваться кровь. Понятия не имею, с чего я взяла, что рукоять костяная, просто сразу подумалось, стоило взяться за нее еще в тот первый раз, когда я самовольно проинспектировала кабинет мужа в отсутствии мужа. Трость, в числе немногих из перепробованных, идеально подошла мне по росту. Да и понравилась больше прочих, хоть и выглядела менее привлекательно, чем иные экземпляры коллекции. Рукоять и довольно тяжелая деревянная основа словно перетекали друг в друга. Пятка была странноватой, металлической, темной и какой-то пористой. Будто железо (или из чего оно там сделано) вскипятили, как воду, до белых пузырьков, а потом внезапно охладили. И металл этот так же неуловимо вплавлялся в дерево, как и кость рукояти.

В любом случае нам придется притираться друг к другу, главное, чтоб не до мозолей. У меня и так руки далеки от

идеала, а на ручке трости полно объемной красоты: каменные птичьи глаза, бороздки перьев, клюв… Вот так бывает влюбишься с первого взгляда, полжизни сглаживаешь неровности и шероховатости, а по итогу выходит, что в эти самые неровности и влюбилась.

Влюбилась… Ага… А пусть бы маджен Холин за мной надзирал. Тут потенциальным смертникам последние желания положены? Я покосилась на вампира, но ему, увлеченному вычислениями (уже и второй лист измарал), больше не было дела до моего участившегося сердцебиения. Правильно, лучше думать о прекрасных темных глазах и теплых руках. Царапина снова зачесалась, и я с наслаждением потерла ладонь ручкой трости. О хищно загнутый клюв чесалось особенно сладко.

Почему опасное так привлекает? Раньше я (ни одна из я) такой не была, но стоит разок умереть, как приоритеты тут же меняются. Не знаю, где я это слышала или читала, но суть происходящего отражало верно. А у меня каждый новый день был как первый. И всякий раз хотелось прожить его иначе, но чаще хотелось опасного.

В Дат-Кронен у меня было слишком мало возможностей подергать тигра за усы. Например, хамить следователю, немножко влюбиться в некроманта или вынырнуть из дремоты от забивающего ноздри запаха склепа и свечей, рывком открыть окно, смахнув на пол дорожку из заговоренного риса, и впустить в комнату вязкий, как кисель, белесый туман.

Босиком, потому что долго искать обувку, пробраться к мужу в кабинет раньше, чем он сам ко мне спустится, или воткнуть ему канцелярский нож в плечо… Огаст усов не носил да и тигр из него был как… Знаете такие помпезные ковры из цельной шкуры и с головой?

Сердце кувыркнулось и ухнуло вниз, потому что вместо дурацкого ковра мне на мгновение привиделся высокий зал с клубящейся под потолком тьмой и каменным полом с мозаикой в виде распластанного по красному…

Тьма и мрак! Вот откуда у меня порез на руке, вот откуда моя кровь в кабинете! Но почему я не помню, как… Помню. Как Огаст, будто в него демоны вселились, пытался едва не силой взять меня прямо на столе “раз сама пришла”, а после моего удара, словно очнувшись, выдирая нож из судорожно сжатых пальцев, распорол мне ладонь. Затем брезгливо сунул мне в руку плоский неровный кругляш и велел держать, пока поливал свой платок какой-то алхимической дрянью и протирал все, куда брызнуло с моей руки и с его плеча. Поскольку я рукой дернула, брызнуло много куда, и на ненаглядную коллекцию тростей в том числе. А еще помню, как заговорщически блеснули камни-глаза на посеребреной ручке, без следа впитав алую каплю до того, как до этой стойки добрался Огаст со своим платком, но мы с тростью решили не выдавать секрета и забыть. А потом, так и не исполнив долг, с молчаливого согласия мужа, я ушла. И забыла.

– Приехали! – воскликнул Лайэнц и радостно рванул на-

ружу.

2.4

Пока я отходила от шока, мы успели въехать в город, пару раз свернуть и оказались в Восточном районе, не центр, но и не захолустье. Единственным неухоженным домом, портившим вид этой части улицы Звонца был тот, рядом с которым остановился экипаж. Узкое в два этажа плюс мансарда строение с косоватым крыльцом смотрело на улицу двумя наглухо забранными ставнями на выдающихся чуть вперед фасада эркерах-витринах и полукруглом окне верхнего этажа. Казалось, что не подпирай соседние дома это недоразумение своими стенами с обеих сторон, давно бы рухнуло. Крыша поехала черепицей – знакомое явление. Я себя сейчас примерно так же чувствовала от того, что вспомнила.

Палисадник обильно зарос бурьяном, носившим хаотичные следы борьбы с неухоженностью. Представить воюющего с сорняками господина Арденн в его визиты в Нодлут у меня совсем не получалось. Видимо, у кого-то из соседей нервы не выдержали, и он (или она) тайком в ночи, чтобы не дай Сотворяющая, не заподозрили в бескорыстном добром деле, наощупь помахал(а) косой (или серпом) сбивая колосящиеся травяные макушки. Низенький заборчик почти лежал. Калитка провисла в петлях. Но запорные печати на ставнях и двери были нетронуты. Я прошла по неожиданно красивой, вымощенной разноцветными камнями дорожке,

пусть между ними и проклевывалась упрямая жесткая трава, и попробовала ненадежную с виду ступеньку краем ботинка. Стоя перед лавкой с саквояжем в руке, я осознала всю глубину своей глупости и никчемности. Я понятия не имела, как открыть дверь. У меня не было ключа ни к замку, фигурная скважина которого выглядывала из-под металлического язычка, ни к запорным печатям от охранного контура. Так бы и топталась, если бы Лайэнц не подошел спросить, куда вещи носить, через переднюю дверь или с заднего двора подъехать. Я сильно подозревала, что раз с лицевой стороны дом не ах, то тылы и вовсе в удручающем состоянии, а потом призналась, что не помню, где ключ.

– А у вас есть документы на дом? На договоре собственности должна быть печать владельца.

Я прикинулась дурой, что редко мне удавалось, притворно хлопнула себя по лбу и добыла пергамент с дарственной, с угла которого свисал на витиеватом шнурке плотный кругляш. Вампир аккуратно взял документ у меня из рук и поднес печатью к углублению по центру двери, принятое мной за “глазок”. По фасаду пробежала радужная судорога, дверь щелкнула и отворилась.

Видимо, приметы на счет проходящих вперед кошек и женщин здесь были не в ходу, потому что Лайэнц вдруг перестал быть милым мальчиком. У него в глазах зажглось по маленькой алой точке, а в руках затлел оранжево красный сполох, постепенно вытягиваясь в длинный светящийся хлыст.

И он прошел вперед.

Я, уставившись на него во все глаза, дернулась следом, но он удержал меня на пороге.

– Дом долго был запертым, пусть контур не тронут, но его давно не обновляли, мало ли что может пролезть или пролезло и затаилось до того, как контур ставили.

Убедил. Гуля я однажды сама видела, больше не хочу. Правда, я тогда так и не поняла, кто был от встречи в большем шоке: я, от того, что он на меня из-под рухнувшей поленницы выскочил, или он от моих воплей, на которые даже Огаст среагировал, высунувшись с балкона – высокое двустворчатое окно в кабинете на него выходило и оттуда хорошо просматривалась часть заднего двора. Я, впредь зарекаясь от посильной помощи по хозяйству, швырнула в отвратную тварь поленом – в гуля, до балкона мне было бы не добросить – и быстро забралась вверх по приставной лестнице, напрочь забыв, что у меня где-то что-то болит, не гнется или хромает.

Другая нежить или разного рода восставшие мне встречалась только на страницах книг. Имелись какие-то смутные воспоминания о не-мертвых слугах, но настолько состоятельных семей в Кронене не было, а о Нодлуте вне стен “Сада благодати” я помню ничтожно мало.

Феррато отсутствовал довольно долго. Не понятно почему, так как с виду в доме особо не погуляешь, размах не тот. Но мы с молчаливым возницей и его не менее флегматичной

лошадью терпеливо ждали. Потом ставень на полукруглом окне второго этажа вздрогнул, раскололся надвое по центру (а я думала он сплошной!) створки медленно распахнулись и по очереди рухнули вниз. Одна прогрохотала по краю левого эркера и завалилась в бурьян, вторая, натужно скрипя, съехала по фасаду, смяв козырек над крыльцом, и разбрызгала щепки с дощечками по дорожке справа. В окне появилось сконфуженное лицо вампира. А вскоре явился и весь он, с паутиной на плечах и с хлопьями пыли в темных волосах. Глубоко вдохнул, сморщил нос и оглушительно чихнул несколько раз подряд. Что-то кракнуло. Меня толкнули под навес, а сверху глиняным дождем обрушилась часть черепицы.

– Будьте здоровы, – запоздало пожелала я.

– Я пришлю кого-нибудь починить вам крышу, – устыдившись своей разрушительности, отозвался Лайэнц.

– Думаете, поможет?

Не знаю, как часто краснеют вампиры, но вот этот конкретный при мне уже в который раз.

Я отошла в сторонку, чтобы не мешать мужчинам внести вещи, которых внезапно оказалось довольно много, а не только тот гроб-чемодан с моим гардеробом. Создалось ощущение, что Бальца начала собирать меня к отъезду едва ли не в день смерти Огаста. А может еще раньше. Знала же она о моем в тайнике под подоконником?

Подобралось желание подобрать юбки и сбежать, но сами

понимаете какой из меня бегун, да и свидетелей стало значительно больше. Соседи подтянулись. Сначала с любопытством заглядывали в темное нутро дома, а потом переключались на меня. Есть ли среди них тот, кто с сорняками воевал?

Собираться в этой части улицы было где. Лавка располагалась с краю небольшого лобного места с фонтаном в центре. Почти в каждом из домов на первом этаже имелись витрины и даже вывески. Мое внимание привлек небольшой двухэтажный особнячок напротив с ярко-зеленой крышей.

А народ все прибывал и я, смущенная внезапной популярностью спряталась внутри.

2.5

Привезенное было внесено и сложено аккуратной горкой. Этакий островок порядка посреди разрухи, на который я и уселась. Благородно активированные вампиром светсферы под потолком и в углах едва разгоняли мрак. Почти все поверхности были скрыты под серым и пушистым. Пол, полки, массивный, похожий на прилавок стол, визуально делящий помещение на две неровные части. Наверх вела узкая, меньше метра в ширину лестница с темными ступенями. Немного зловещая. Лайэнц, когда обход делал, потревожил пушистое серое покрывало на периле, оставил следы в пыли на ступенях, а над площадкой между пролетами – один из своих красноватых светляков.

Уходя, он прижал ладонь к груди, где под полой пальто во внутреннем кармане прятался подаренный рисунок.

– Несмотря на обстоятельства, я рад знакомству, госпожа Арденн. До визита надзирающего офицера не покидайте дом, пожалуйста. И с соседями поаккуратнее. А лучше вообще никак.

– А… когда?

– В любое время, – ответил Феррато и глаза отвел. – Мне искренне жаль, что с вами все это приключилось. Всего доброго.

После его ухода я воровато выглянула наружу. Соседи все

еще любопытствовали. Главное, чтоб знакомиться не пришли, мне вроде как нельзя, но они-то не знают. Или знают? Я осмотрела полотно двери, но никаких красных крестов, белых кругов и начертанных посохом рун не обнаружила.

Не знаю сколько я так уже сижу. Тут будто время остановилось и так же, как все прочее, покрывается пылью. В задумчивости сжевала уложенный Бальцей в саквояж бутерброд. Там он был не один, но я решила не шиковать. Потом встала и подошла к лестнице. Ступеньки высокие, будет сложно, но это дело привычки. Зато перило широкое и гладкое, хоть лежи на нем. Только протереть. Тут вообще все стоит протереть.

Я начала с глаз. Что вы, какие слезы, это исключительно от пылищи. И в носу хлюпает по той же причине, а еще от сырости. Холодно было тут ужасно. На улице и то теплее.

Удивительно, но на втором этаже оказалось почти чисто. И светло. Ставень на окне уже не было, день в разгаре. Поднятые моим появлением пылинки поблескивали в воздухе. На площадку перед лестницей выходило три двери. Две были открыты, наверное, Лайэнц постарался. Запертую третью я попинала и подергала скорее для проформы. Раз худощавый, но сильный, как любой представитель вампирьей расы, Феррато не открыл, то куда мне?

Из доступного обозрению мне досталась вполне достойная спальня с кроватью в центре почти под самым окном и комната чуть поменьше, где располагался стол и угол для

приготовления еды с плитой и шкафчиками. Ванной и прочих удобств я не нашла. Либо она за той запертой дверью, либо внизу, что будет совсем-совсем некстати. И, кажется, совсем-совсем скоро.

Всякая нужда благотворно действует на сообразительность. Я и сообразила, что открывайся дверь, как все порядочные двери – наружу, она перегородит спуск. А внутрь… Вдруг там места мало и так пространство сэкономили. Открывалось на манер ширмы, уходя в паз в стене. Так оно и оказалось. Большую часть места занимала фаянсовая ванная, короткая, сесть в такой можно только ноги поджав. Был и умывальник, в зеркало над которым я сейчас на себя смотрела, а прочее – позади меня. Очень тесно, но зато ходить не надо. Встал и все нужное под… рукой. Я крутнула позеленевшую медную ручку, полюбовалась на струйку воды и взгрустнула. Стирать в таких условиях – то еще удовольствие.

Внизу зашумели. Сначала стучали, потом звякнуло. Терпения у визитера было не занимать. Спуск вниз занял больше времени, чем подъем, да и я не торопилась – лестница незнакомая, трость новая, гостей я вообще не звала.

Гость, вернее гостья, старательно не обращая внимания на бардак, дожидалась меня у стола-прилавка. Источник звона – стряхнувший часть пыли колокольчик на ножке, пустил мне в глаз блик с золотистого бочка, и я нечаянно поморщилась.

– Э-э-э, – неуверенно протянула крупная коренастая женщина с простоватым лицом, приняв мою мину на свой счет и даже почти не ошиблась. – А я соседка ваша, Трушка Норкинс. Прачечная у нас с господином Норкинсом.

Как говорится, просите и дано. Или тут место такое волшебное? Может еще чего пожелать? Луну с неба? Крылья? Денежный дождик? И прислушалась. Армагеддона не случилось, за спиной ничего не затрепетало, а дождь пошел. Обычный, конечно же. Шуршит по крыльцу. Сыростью весенней тянет и свежестью, что в этом пыльном царстве совсем не лишнее. Прозорливая госпожа Норкинс не стала дверь до конца прикрывать. Чтоб бежать в случае чего удобно было или чтоб не спотыкаться впотьмах и пылью не дышать?

Я представилась тоже и целью визита поинтересовалась. А сама прислушиваться продолжала – а вдруг звякнет. Но с моим везением скорее луна рухнет, чем монетка.

– Если вы против сильно и вам мешает – мы уберем, но если нет, можем и доплатить.

– Что уберете?

– Так прачечная. Печатями хоть и быстро сушить, но не то совсем. А у вас задний двор светлый, солнце почти весь день, сохнет быстро. Мы там полог от дождя натянули и согревающий. Тут же не жил никто долго…

И смотрит с надеждой. В таких делах главное не упустить. За трость я держалась крепко и за хвост мелькнувшей мысли тоже.

– Убрать было бы хорошо. Здесь, в лавке. Я сама не справлюсь. А если еще и по специальности помогать станете время от времени, вообще хорошо. И платы не надо, если там ходить не мешает. Пусть себе сохнет.

Госпожа Норкинс закивала так охотно, прижав крупные красноватые руки к груди в тесноватом в этой самой груди пальто, что я сразу поняла – продешевила. Ну и ладно. Как бы это ей теперь потактичнее намекнуть, что я не особо свободная особа, но она сама справилась.

– Вы, госпожа Арденн, главное, не смущайтесь, мало ли чего надзорный знак на двери, я ж вижу, что вы дама приличная.

А я вот не углядела. Но у меня с магиями сами знаете как. И с приличиями не очень. Даже вампиры от меня краснеют.

– Я тогда завтра с утречка приду помочь, – разулыбалась соседка, отчего на щеках ямочки проступили. – Или вот прямо сейчас могу!

Но сейчас я была не готова. Норкинс распрощалась, и шмыгнула к выходу.

– А лавка работать будет? – спросила она, обернувшись у порога. Я пожала плечами. Какая тут лавка. Самой бы выжить.

Оставшись в одиночестве я проинспектировала чемоданы. В них оказалось много всего, и все – нужное, причем такое, о чем я подумала бы в последнюю очередь, вроде постельного белья, чашек и свечей. И механической зажигал-

ки, на боку которой стояло похожее на монетку в полчара клеймо.

Целиком втаскиванию наверх монструозные чемоданы не поддавались, и я носила вещи из необходимого на первое время частями. И в каждый новый спуск вниз обнаруживала очередного гостя, жаждущего помочь и посоветовать. Этак ко мне полгорода с визитами явится, как я потом оправдаюсь? Так, свое почтение и желание оказать поддержку изъявили портниха, жена пекаря, жена бакалейщика, еще чьи-то жены, будто мужчин на Звонца не водилось, и ведьма. Последнюю я запомнила только потому, что она, войдя, не стала заверять о своем ко мне расположении.

– Чаю? – вместо приветствия проговорила полноватая, но эффектная темно-рыжая мадам.

– Очень вряд ли. Я даже не знаю или он у меня есть.

– У меня есть, – заявила гостья, сверкнув шальными желто-зелеными глазами, и добыла из сумочки мешочка емкость, похожую на термос.

Вот после этого я и поняла, что она ведьма. А еще после чашки (добыла прямо из одного из чемоданов) невероятного ароматного сбора, от которого разом сил прибыло. Сидели мы все на тех же чемоданах.

– Тоже советы давать будете? – поинтересовалась я, опираясь на опыт общения с предыдущими визитерами.

– А вам надо?

– Пока нет.

– Ну вот понадобится, тогда и спросите.

Уходя, она сообщила, что термос, как станет не нужен, а желание пообщаться появится, можно вернуть в дом напротив, тот, что с зеленой крышей. И входную дверь предложила запирать хотя бы на щеколду.

Единственный совет (!) за последние несколько часов, которому я тут же последовала, и гости сразу закончились.

2.6

Задний двор меня потряс. Было что-то инфернальное в колышущихся в сумерках простынях. Мягко отсвечивал полог, тот что “от дождя и согревающий”. Так и не прекратившийся дождь шелестел где-то поверх и пускал по энергетической завесе круги сполохов. Я будто на дне пруда сидела. Рыбой. Вяло шевелила плавниками и рот открывала беззвучно…

…потому что у меня здесь нет голоса, и потому что от меня к тому, кто говорит, тянутся призрачные нити. Они становятся плотнее, я начинаю разбирать слова, но по-прежнему не могу говорить. Мне приказывают, и я подчиняюсь. Открываю рот и беззвучно…

Очнулась, сидя на полу спиной к двери внутри лавки. Сердце билось в горле. Никогда прежде *это* не приходило до того, как я усну.

Сейчас бы чаю. Того, что Бальца заваривала.

На задний двор можно было пройти узким коридором, нырнув в дверцу под лестницей, которую я сразу приняла за кладовку. А глубже за прилавком обнаружилась еще одна комната, тоже почти без пыли. Там был диван, кресло, чайный столик и пустой стеллаж со стеклянной витриной. И комодик, где обитал сервиз и чайник. Комната для постоянных клиентов? Да какая разница…

А ничего такой диван, приятный, посижу здесь немнож…

Грохот в дверь был такой, что я вскочила раньше, чем проснулась. И наверное поэтому в панике не вписалась в дверной проем, а в косяк – вписалась. Бровью. Кожу ссадила до крови. Если будет синяк, даже попенять не на кого теперь – Огаста-то нет. Стол обошла с опаской – а вдруг боднет или ножку подставит. Мебель бывает очень коварна, когда не с той ноги встал, а у меня и выбора никогда толком нет.

Над засовом на двери имелась цепочка, позволяющая дверь открыть на глазок. Как раз не подбитым посмотрела и тут же отпрянула. Помедли я, и на лице была бы дивная симметрия.

– Что в выражении “открыть по первому требованию” вам непонятно, госпожа Арденн? – заявил ведьмак, ступая на порог.

– Воспитанные люди при дамах не выражаются, – заметила я, по привычке копошась в памяти, но никаких таких требований мне не озвучивали.

Светсферы давно потухли, оставленный Лайэнцем светляк мигрировал куда-то наверх, отчего лестница казалась переходом в пекло, а других источников освещения не было. Разве что с улицы немного сочилось, отчего фигура надзоровца в дверном проеме смотрелась, как постер к фильму ужасов.

– Что вам нужно?

Брызнула водяная пыль, и у меня перед лицом, блеснув

магическими печатями, развернулся документ.

– Ворнан Пешта, дознаватель первого ранга Управления магического надзора конгрегации Нодштива, секретарь Королевского суда и ваш надзирающий офицер.

– Пытки до вынесения приговора всем полагаются или только мне так повезло?

Мой выпад Пешта проигнорировал, ткнул в меня папкой и, едва мои пальцы обхватили корешок, первым документом сверху припечатал.

– Ваша копия постановления. И правила для подследственных.

Я взвесила папку в руках. Количество “нельзя”, а что еще там могло быть, внушало благоговейный ужас.

– А если коротко?

– Открывать по первому требованию, в любое время, в любом состоянии.

– А мои права?

– У вас их нет.

– Проще было меня на месте убить. Было бы милосерднее.

– Правосудие, госпожа Арденн, к милосердию никакого отношения не имеет. – Полагаю, сейчас на его лице возвышенно благоговейное выражение истового служителя закона. Или брезгливая мина. Или ничего. Мне не видно было его лица, а ему мое вполне.

По щеке скатилась капля. Из ссадины над бровью в уголок глаза и вниз по скуле. Но выглядело, должно быть, сим-

волично: убийца плачет кровавыми слезами.

– Пешта, какого вы меня сюда притащили? – раздался позади надзоровца вкрадчивый низкий голос. Глянувшая в прореху туч луна осветила бледное породистое немного надменное лицо с тлеющими в провалах глазниц мелкими алыми точками. – О! Доброй ночи, милая барышня. Вы чудесно пахнете.

– Еще пара подобных намеков и ночевкой в камере и штрафом не обойдешься, – отозвался калач, продолжая меня разглядывать.

Его лицо тоже луной подсветило. И я была права – ничего. А теперь вот, как по заказу – брезгливая мина и протянутый платок. Приняла. Я не гордая, мне теперь ни к чему.

– Вы невероятный зануда, Ворнан. – Надменное лицо озарилось клыкастой улыбкой, сразу сделавшись приятным. – Барышня, пойдете со мной на свидание? Перемоем косточки этому извергу. Потом, когда он меня выпустит.

– Сядь на место, Мартайн, – обернувшись к вампиру, спокойно произнес надзоровец, и тот осекся, закрыл пасть и скрылся в экипаже. Голос ведьмака отозвался в моей голове колокольным набатом. Косяк. Все из-за него.

– Вы дрожите.

– Там дождь и холодно, а вы мне дверь испортили. Можно как-то сократить время общения?

– Сейчас или вообще?

– Вообще.

– Признайтесь.

Развернулся и ушел. Правильно, если не здоровался, к чему прощаться.

Закрыла дверь и поднялась по зловещей лестнице наверх. Светляк помигивал, как лампочка аварийного освещения.

Я оставила врученные Пештой инструкции на подоконнике с классической мыслью подумать завтра. Постельное белье лежало на кровати аккуратной стопочкой ровно там, где я его оставила, перед тем, как в голову внезапно взбрело поискать выход на задний двор. Борьба с пододеяльником лишила меня остатка сил, и я сдалась на милость победителя, пав на криво застеленную простынь прямо в платье. Поздние визиты мерзких личностей, оказывается, действуют не хуже успокаивающего чая. Раздражают, да, но как хорошо становится после!

Жаль, что ненадолго.

Если первый пролет я прошла, то со второго летела почти кувырком, притормозив на последних ступеньках вцепившись в край перила. Оброненная трость ткнулась в ноги, ступни (а выскочила я босиком) должны бы онеметь от холода, но горели огнем.

– Вы издеваетесь? – спросила я распахивая дверь.

– Я должен удостовериться, что вы верно поняли суть вашего положения.

– Я похожа на дуру?

Он не стал отвечать, красноречивого молчания хватило с

лихвой. И пока я соображала, не стоит ли возмутиться, калач отодвинул меня и прошел внутрь.

– Включите свет.

– Я не могу. У меня абсолютный ноль.

– Абсолютных нолей не бывает.

Теперь была моя очередь красноречиво молчать.

– До чего неприспособленное существо, – ведьмак дернул кистью, светсферы отозвались. Если в темноте зал выглядел таинственно, то теперь стал жалок. – Как вы жили? – Поворот и еще один жест.

– У меня были муж и служанка. А вы?

– Я в состоянии сам себя обслужить.

– Очень ценное качество, – отозвалась я.

Ситуация отдавала фарсом, в голову полезли непристойности, хотелось гадко хихикать и оглушительно орать одновременно. А еще я почувствовала, как ногам постепенно становится тепло. Но не настолько, чтобы мне захотелось поблагодарить.

– Почему мне кажется, что вы хамите?

– А почему вы решили, что вам кажется?

– Это от отчаяния? – Глянул из-за плеча, как тот ворон в усадьбе. И нос острый клювом.

– У меня нет никаких прав. Оставьте мне хотя бы отчаяние.

– В Дат-Кронен вы вели себя совершенно иначе.

– В Дат-Кронен я была свободным человеком.

– Неужели?

Я замолчала. А что тут скажешь…

Так же молча я подождала, пока он методично сунул нос во все углы внизу и даже наверх подняться собирался, но вдруг передумал. А когда ушел, надеюсь, окончательно, мне ужасно захотелось пнуть дверь ногой, но ноги были босыми, а дверь твердая.

Отчаянно сражаясь с тяжелеющими веками, успела подумать, неужели Малена и раньше маялась со светильниками? Тогда, выходит, что магия, действительно, – свойство души.

Опрометчиво загаданная ранее луна с неба явила себя во всей красе. Такая же огромная, как в ту ночь над мокрой после недавнего дождя дорогой, когда птица бросилась в лобовое стекло, лопнула шина, а тормоза старые и ограждение у моста сплошная условность…

…тяжесть давит на грудь и нечем дышать. И я не дышу.

Глава 3. Право и лево.

Встретились как-то вампир, некромант и ведьмак

и сообразили, что я встречалась с каждым.

– М-м-меня з-з-зовут М-ма-лена, – бормотала я, боясь прикусить язык лязгающими от холода зубами, – я в-в-вдова из Дан-К… Дат-Кр… Боже!

Я вскочила и, кутаясь в одеяло принялась прыгать по комнате. В окно сочились сумерки, неимоверно хотелось спать, но еще сильнее – кофе, горячего, обжигающего кофе. Я запыхалась, вспотела и поняла, что если сейчас выпутаюсь из одеяла, станет еще холоднее, чем было.

В куче притащенного вчера барахла отыскала чулки и домашние туфли, цапнула первое попавшееся платье и прямо в одеяле поскакала в ванную, покрываясь мурашками от предвкушения омовений холодной водой. Одеяло пришлось бросить у порога, в нем я в ванную не вписывалась, и… Там было тепло. И мурашки тоже были, размером с горох, от восторга. Забралась в ванную и замерла, чувствуя, как покидает тело противная дрожь. Добровольно отсюда не вылезу, даже если калач с инспекцией явится.

Выбираться пришлось. Кожа на руках сделалась белесой и пористой, чулки кололись под коленками, я пропустила пару пуговиц, застегивая платье, и в состоянии облачка вплыла

в кухню, где вчера оставила сверток с бутербродами. Даже перспектива запивать их водой меня не удручала.

Окно кухни выходило на задний двор, круглое, как гамак, с глубоким подоконником. Фиалок на таком не разведешь, а вот полежать – милое дело. Надо сюда плед притащить и подушку. И здесь тоже было…

Радужное настроение как ветром сдуло.

Не понятно, для каких целей вбили в стену этот штырь, может для отсутствующей теперь вывески, вон и обрывок цепи мотается, но дело было не в нем. На штыре сидел ворон. Тот самый, из Дат-Кронен. Я опознала его по кривоватому крылу и странным, отблескивающим желтым глазам.

Что ж, вот и загаданные крылья.

Птица склонила голову на бок, и у меня кусок поперек встал. Пока я откашливалась, запивала, и оттирала проступившие слезы, ворон улетел, а в дверь внизу постучали.

Наверное, это какая-то магия. Потому что я точно знала, что стучат со стороны двора, точно так же, как вчера ночью поняла, что стучали с улицы. Подхватила трость и пошла отпирать деятельной госпоже Норкинс. Ну, а кто это еще мог быть?

Был еще ее супруг с чемоданчиком характерного хозяйственного вида. Все-таки не одни жены на Звонца обитают.

Парочка хоббитов развила такую бурную деятельность, что я почувствовала себя лишней, но пристроилась в углу за прилавком. Там оказалось старое, но удобное кресло. Из

него я бдительно следила за процессом. Господин Норкинс, оглядев торговый зал, почти сразу нырнул обратно под лестницу и чем-то там гремел, шуршал, звякал, а также время от времени издавал присущие всем работникам разводного ключа и отвертки звуки. Трушка, воспользовавшись неизъяснимым женским чутьем, нашла у меня в доме ведра и тряпки и, напевая, наводила красоту везде, куда дотягивалась, а куда не дотягивалась – подтаскивала табурет и тянулась. Все шло хорошо, пока она не взялась за стеллажи с лежалым товаром. Мне будто пилой по нервам прошлись.

– Не надо, – сказала я и едва узнала свой голос. – Здесь я сама.

– Вот и ладненько, – отозвалась она, – только когда приберете, обязательно на “чистоту” потратьтесь, а то никаких сил не хватит это все от пыли протирать.

Я кивнула. И отчетливо поняла, что наверх тоже посторонних пускать не хочу, хоть Трушка и предлагала и там пройтись, хотя бы на лестнице. С лестницей я попробовала. Моего терпения хватило ровно на один пролет. Так пролететь с почти добровольной помощью это надо еще умудриться, но нервы, в свете последних событий, мне были дороже чистых полов.

Норкинсы, а в особенности Трушка, прощались так долго, что утомили меня больше, чем своим пребыванием в доме. Мне было предложено приходить в гости, обращаться за помощью в любое время и оставлять грязное белье в корзине у

двери на задний двор. А потом мне зычным шепотом посоветовали не водится с дамой из дома напротив, ибо “ведьма еще та, но сборы хорошие делает”.

Сборы – это хорошо. Мне бы как раз не помешал успокоительный, покрепче. Очень крепкий. Я бы его даже пожевала и кипятком запила. Или нет, даже запивать бы не стала, у меня и так внутри кипело все.

Ведан надзирающий офицер явился без приветствий и с грязью на ботинках. Закон подлости неизменен во всех мирах. Стоит вымыть пол, тут же притащится тот, кто его испачкает.

Когда Норкинсы ушли, я от скуки протерла перила и домыла лестницу, потом взяла несколько тряпок и отправилась наводить порядок на полках внизу. Судя по ассортименту, лавка была из разряда “1000 мелочей”. Магические мелочи лежали вперемешку с обычными. Отличить одни от других мне помогала маркировка – на обычных ее не было. Создавалось впечатление, что все это добро, до того, как оно аккуратно и систематизировано лежало по полкам, свалили в кучу, перекопошили, и рассовали обратно, как придется.

Трушка вымыла окна-витрины в эркерах и протерла стоявшие там вычурные страшноватые и привлекательные в своей нелепости статуэтки, но выбрасывать горшки с окончательно засохшими растениями не стала. Не стала и я. Оба деревца, оставшиеся при листьях, даже высохшие смотрелись очень фактурно. Я с видом хозяйки просто расставила

предметы по-своему, коснувшись каждого, как кошка, почуявшая на вещах чужой запах и торопящаяся поскорее заменить его своим. После принялась за полки. Хоть я и не большой любитель подобной деятельности, смахивание, протирание и полировка привела меня в состояние медитативное и почти близкое к тому, что было у меня утром, пусть манжеты и перед платья были в пыли. Переодеться мне есть во что и в ванной тепло. Могу хоть ежечасно плескаться.

Талмуд с правилами я так и не открыла. Выходить я сегодня не собиралась, а руководство на первое время мне ночью очень доходчиво втолковали. И потом, у меня нашлось чтиво куда интереснее, чем миллион запретов, изложенных экзотическим канцелярским стилем. Это была приходно-расходная книга. Огромная и тяжелая. В тисненой кожаной обложке и фигурной застежкой на боку, больше похожая на гримуар, чем на учетную ведомость. Велась она, судя по датам, с самого основания лавки. Иногда на полях попадались приписки дневникового характера о мужской парнокопытной сути, общей несправедливости бытия и памятки о взятых в долг продуктах. Собственно, я в основном эти приписки и читала, похрустывая древними леденцами. Жестяная банка, чуть проржавевшая по краю, нашлась рядом с книгой. Погремев ею о стол, я разбила склеившийся монолит на десяток плоских кругляшков. На вкусовые качества конфет время не повлияло. Так я и развлекалась, иногда окидывая взором торговый зал, будто и правда ждала покупателей.

Чемоданы с вещами, перекочевали в комнату за прилавком. Сама потом потихоньку растащу и разложу. Буду с каждым путешествием наверх что-нибудь брать, так и перенесу. Как бы еще внезапные визиты научится переносить и вот такой стук в дверь. Характерный. Ведь совсем не вижу, кто пришел, а точно знаю – калач!

3.2

Пешта снял шляпу, стряхнул воду (опять дождь?) и направился прямиком мимо меня к моему креслу. Непередаваемо аристократичным жестом отбросил полы расстегнутого по пути пальто и уселся. И глазами буравит.

Я подцепила тростью табурет, с которого полки протирала, и со вкусным скрежетом, не особенно торопясь, подволокла его к столу и села напротив, приняв вид, смиренный настолько, что в него только идиот бы поверил. Пешта идиотом не был, но на мой припыленный в процессе уборки вид ему было начхать. Лучше бы уже чихнул, а то нос морщит, но терпит, будто ему чихать при исполнении законодательно запрещено.

Отодвинул мое чтение, покосился на банку с конфетами.

– Почему вы? – задала я наиболее цензурный из вертящихся у меня на языке вопросов. – Почему, скажем, не…

– Маджен Холин?

Заметил, паразит, мой невольный румянец и авансы в сторону симпатичного некроманта.

– Думаю, в Управлении полно прочих сотрудников. И, да, почему бы и не маджен Холин. – Имя перекатывалось на языке, как леденец, и я едва удержалась, чтобы не причмокнуть.

– Маджен Холин временно привлеченный сотрудник, он,

к вашему сведению, не большой любитель живых, и у него, помимо прочих талантов, совершенно особенная специализация.

– Какая?

– Он кукловод. Некромант, который…

– Можете не продолжать.

Кукловодами называли темных, управляющих мертвым воинством.

Сейчас напряженнее всего было на восточной границе Нодштива, в отделившейся от королевства провинции Деймин. Там проживали остатки выродившихся и растерявших большую часть способностей демонов, и именно там скрылись от гнева инквизиции уцелевшие представители мятежных темных семей, практикующих запретные ныне темные ритуалы. Всадники Мора, фанатичные последователи Изначальной Тьмы, Сотворяющей, Триединой: Мать, начало всего; Посланник, пастырь живущих, Ее голос, проводник и ключник, стерегущий врата в Чертоги; Ловец душ, Ее крылья, неумолимый Рок, Мор-огневран, собирающий души праведников и нечестивцев. Мрачноватая вера, не чурающаяся жертвоприношений. А Свет милостив и благостен, и есть Добро. Стоит ли удивляться начавшимся разногласиям?

Темных в этой части Нодштива всегда было много, и все влиятельные семейства были традиционно посвящены Тьме, поэтому когда религиозные культы принялись делить сферы влияния, в первую очередь инквизиторы взялись за са-

мых упертых. Спустя полвека от семей Драгул, Эйш, Ферка и Крево никого не осталось. Только такие вот занятные типы, вроде моего покойного супруга, и это при условии, что байки Бальцы о его происхождении – правда.

Но и без сгинувших старых семей в Нодлуте полно темных, и некромантов с интересными специализациями в том числе. Правильно, зачем отправлять сражаться живых, если можно приказать мертвым? И кем же надо быть, чтобы одновременно удерживать управление хотя бы сотней поднятых, находясь с ними в подобии астральной сцепки.

Пешта скептически наблюдал, как я пройду от мыслей "фу, гадость" до "зато какой красивый" и "хорошие женщины еще и не из таких типов нормальных мужиков делали" и при этом что-то говорил. А что именно, я прослушала, поскольку мысль "зато какой красивый" была мне приятнее всего. А еще руки теплые.

– …и вы бы ознакомились с правилами, госпожа Арденн, во избежание.

– Подозреваю, что после ознакомления как раз сбежать и захочется.

– Не выйдет.

Пешта дернул меня за руку и шлепнул на запястье холодный металлический кругляш. И тут же отпустил, будто ему гадко было меня касаться. А рука у него оказалась теплая. Горячая даже. Печать на моем запястье сразу растаяла, как кусок масла на сковородке, впиталась под кожу и проступи-

ла по верху тремя цепочками знаков, мелких, мельтешащих мошками. У меня к горлу подкатило, когда я попыталась их рассмотреть. Две цепочки плотные, одна едва заметная.

– Вот дер… Это отвратительно, – выдохнула я, стараясь продышаться. Надзоровец с интересом таксидермиста наблюдал за реакцией. – Зачем это?

– Печать ограничения в правах. А также маяк, чтобы отслеживать ваши перемещения. Третий круг неактивен, так как вы неодаренная. Любой сотрудник надзора или маг достаточной квалификации при взгляде на печать будет в курсе ваших прегрешений.

– И… и что, любой сотрудник надзора волен будет поступать со мной так же, как вы?

– Как я, могу только я, госпожа Арденн.

Затем передо мной на стол лег характерно звякнувший мешочек и… волшебная палочка?

– Это еще что? За что? – изумилась я. Это вот теперь он, денежный дождь? Так не бывает.

– Магистрат назначил вам содержание, поскольку у вас нет источника дохода.

– Я не верю в благотворительность.

– Правильно делаете. Придется возместить.

– Это если меня оправдают, а если нет?

– Возместят ваши родственники.

– У меня нет родственников.

– С чего вы взяли? – спросил ведьмак и взглядом пронзил.

И правда. Должна же была девица Двирен откуда-то взяться? Только для нее это была данность, а я никогда об этом не думала, вот и не отложилось нигде.

– Я имела в виду действительно родственников, а не незнакомых людей с такой же фамилией.

Отговорка вышла кривая и нарочитая. А раз я себе не верю, этот не поверит точно, вон как смотрит. И я поторопилась сменить тему.

– А эта штучка мне к чему? Я с одинаковым результатом буду в предметы тыкать что обычной палкой, что магической, – озвучила я очевидное.

Но все оказалось куда волшебнее. Пешта с ловкостью фокусника и безжалостностью медсестры снова цапнул меня за руку, сжав палец, как плоскогубцами, и вонзил в подушечку леденючую иглу.

Я охнула и дернулась, но меня уже не держали. У него под полой пальто целый пыточный арсенал? Что мне еще покажут?

Ведьмак быстро пересадил алую бисеринку на жезл, бормотнул неразборчиво, пальцы узлом завязал, мигнуло зеленым.

– Это тоже магистрат назначил?

– Почти.

– Ваша волшебная палочка у меня работать не будет.

– Ваш магический жезл, универсальный. Должно хватить примерно на месяц. И теперь – будет. Как активатор. Через

привязку на крови.

– То есть я могла вот так любой артефакт кровью активировать?

– Могли, если бы знали как. Но всякий раз руки резать, чтобы свет зажечь? За это сажают.

– В тюрьму?

– В специальное заведение закрытого типа, – он поднялся, и я не удержала облегченный вздох, но ему было не привыкать, работа такая, да и характер так себе.

Проводила до двери. Я стараюсь быть вежливой, особенно когда мне денег дают. А еще чтобы удостоверится, что Пешта за нее выйдет.

– Прощайте, ведан надзирающий офицер.

– Не обольщайтесь, – сухо отозвался он, надел свою шляпу и шагнул под дождь. Я бы тоже куда-нибудь вышла, например, в лавку за едой. Это будет продуктивнее, чем выходить из себя.

3.3

Я оказалась упрямее дождя. Он закончился раньше, чем мое терпение. Правда, дело было под вечер. Но район выглядел приличным, если мой лавко-дом в расчет не брать, уличное освещение достаточным, и я отправилась добывать еду и впечатления. Полагаю, теперь мне можно было. Наискосок просмотренные правила разрешали некую свободу передвижений в черте города, тем более что на мне маяк был. Решила, что прилегающие к дому места я всегда исследовать успею, поэтому отправилась в сторону маячившего рядом парка.

Я вдоволь наигралась с магическим жезлом, упрямо продолжая звать его волшебной палочкой, истыкав, наверное, все бытовые приспособления, какие нашла. Светсферы зажигались, стоило поднести жезл на расстояние нескольких сантиметров к активатору. Плита слегка упрямилась, но я решила, что со временем мы придем к соглашению. Чтобы вскипятить воды пришлось изучить инструкцию для чайников. После успешного запуска я нагло воспользовалась термосом соседки и сделала чаю с собой. Пальто у меня на рыбьем меху, гулять я собралась качественно, и горячее лишним не будет.

Только мне горячего и без чая досталось.

Спустя полтермоса, на выходе из парка началась жизнь.

В смысле, что Звонца – на самом деле очень тихая улица, а тут все бурлило. Сновали разномастные экипажи и странные повозки, гуляли и бежали по делам люди-нелюди, от вывесок и светсфер рябило в глазах. Перейдя бурную улицу, я обнаружила приличного вида лавку, откуда вышла с пакетом, полным как вкусного, так и полезного, и не слишком нуждающегося в термальной обработке перед употреблением. Перехватив приобретенное поудобнее, я решила возвращаться. Затяжные сумерки переходили в густой синий вечер, а мне еще через весь парк обратно. И тут он обернулся. Высокий худой человек в плаще с капюшоном. И его обычное в общем-то лицо, скуластое и остроносое вдруг потемнело, ввалились щеки, кожа обтянула череп, и черным очертился рот с впалыми губами и глазницы.

Я поняла, что он понял, *что* я вижу, оскалился острыми, как иглы, зубами и показалось…

…что снова в той жуткой комнате, душной и воняющей кровью, болью, страхом, от которого сводит скулы, и колени становятся ватными…

Я шарахнулась в переулок, покрываясь мурашками, кажется, не только снаружи, но и изнутри. Кто он? Почему он обернулся? Почему так смотрел? Почему никто не видит, какой он?

Меня держали. Вернее, придержали за плечи очень аккуратно, и я поняла что в панике едва не оттоптала ноги какому-то прохожему.

Он был без шляпы. На длинных волнистых волосах алмазами посвечивали капли, кипенно белая рубашка с острыми, как ножи, уголками воротничка и алый шейный платок выглядывали из пальто с расстегнутыми верхними пуговицами. Несостоявшийся пострадавший завладел моей рукой и, чуть склонившись, поднес к губам. Полоски кожи между краем перчатки и рукавом коснулось дыхание… С вампирами всегда так? Долгие две секунды гадаешь куснет или изобразит вежливый поцелуй, не касаясь кожи?

Ни то и ни другое. Он втянул носом воздух, чуть прикрыв глаза – тонкие крылья носа шевельнулись.

– Хла… хладен Мартайн… – пролепетала я.

– Милая барышня! – блеснули белоснежные зубы. Все. Будто только сейчас меня по запаху узнал.

Руку мою он не выпустил, а мне уже неудобно было держать трость, себя и пакет с покупками одной рукой.

– Проводить вас? – и пакет отобрал. Получается, что да, куда я теперь от него денусь. – А я как раз о вас думал!

Врет. И не краснеет. Вампиры вообще краснеют редко, этот конкретный так точно. Лайэнц против него, как щеночек.

– Асгер, так меня зовут, – прищурился и смотрит бархатом из-под ресниц. Рост позволяет, я ему едва до носа достаю. Вот, к примеру, гадкий надзиратель практически в глаза глядит, а только все равно свысока, будто я букашка. – Так как? Пойдете со мной на свидание?

– А вас уже выпустили? – зачем-то ляпнула я и для интереса покраснела сама, не все вампиров смущать…

Мартайн рассмеялся. Если Феррато мне казался эдельвейсом, Лодвейн – избалованным домашним котом, то этот вот Асгер Мартайн – куском ледника, свисающим с обрыва, когда стоишь внизу, слышишь, как там трещит, и думаешь, шарахнет или мимо просвистит?

Идти рядом с таким типом, опираясь на его руку, оказалось довольно удобно, но слишком уж волнительно. Ощущение, что он не просто дышит, а принюхивается, будто предвкушает… Или просто я сама голодная, вот и кажется, что окружающие тоже подкрепиться не прочь. Яблоко подмигивало из пакета сочным бочком, но меня больше интересовал лежащий под ним колбасный хвост, завернутый в бумагу.

– Не желаете поужинать? – Я сообразила, что вход, через который я вышла из парка остался где-то в стороне, а рядом с нами сияющая огнями ресторация. – И что на счет свидания?

– Зачем это вам?

– Я проголодался и вы мне интересны.

Забавно вышло, сама так люблю делать. Вот и думай теперь, в каком качестве я его больше интересую. А этот остановился и ждет. Что ж они все такие красивые… Или это мне все еще Огаст аукается?

– Пойдете?

– Хоо…

– Госпожа Арденн, что вы здесь делаете?

– Маджен Холин! Я… – Я сама бы знать хотела, что я здесь делаю. – Ходила в лавку.

Взяла свой пакет у вампира и привычно оперлась на трость, подмигнувшую мне каменным глазком.

– Спасибо, что проводили, хладен Мартайн…

– Асгер.

– Да, Асгер, – машинально повторила я, вампир изобразил поклон и нырнул в ресторацию, туда, откуда некромант вышел. Этот-то точно ужинать звать не станет, и на свидание, надо думать. Хотя, я и думать бы не стала. А не мешало бы. Наверняка, смотрю на Холина сейчас, как Мартайн на меня парой минут раньше, и так и тянет ляпнуть про ужин и интерес.

– Идемте. – И тоже пакет отобрал. Но я бы и так с ним пошла. Через парк особенно, пусть там цветов сейчас нет и все, кроме елок, голое… Да что же… Конфуз какой… Когда я стала такой впечатлительной? Но некромант не стал меня через парк вести. Остановил экипаж. Я скрестила пальцы. На ногах, там незаметнее всего, да и на руках все пальцы были заняты. Дыхание задержала… И выдохнула облегченно, когда он сел тоже.

– Устали? – В экипаже темно и кажется, что это сама темнота урчит.

– Нет. Немного. Спасибо. – И хорошо, что темно. Лица не видно.

– Что от вас Мартайн хотел?

Я забыла, что темно, и пожала плечами.

– Пеште это не понравится, – неспеша и вдумчиво проговорил Холин, будто пристально меня разглядывал. По сантиметру. Начал с ботинок и медленно вверх. Примерно, как меня сейчас волной мурашек.

– Почему я должна беспокоится о настроении ведана Пешты? – вышло немного нервно, но у меня были причины. Разные.

– Он ваш надзирающий офицер. Он ведет ваше дело, и, скорее всего, будет представлять результаты расследования в суде, а поскольку улики против вас многочисленные, но косвенные, его хорошее настроение в ваших интересах, – терпеливо пояснил своим прекрасным спокойным голосом маджен Холин.

– Тогда мои шансы на благополучный исход ничтожны.

– Личная неприязнь это последнее, чем он станет руководствоваться. Но… у вас действительно мало шансов.

Экипаж остановился. Как-то очень быстро. А вопросов было много.

Холин вышел и подал мне сначала руку, а потом мои покупки. И я пожалела, что в перчатках.

– Маджен Холин, а вы не могли бы чуть подробнее…

– Не мог бы, клятва о неразглашении. Спросите Ворнана, он в курсе, что вам стоит знать, а что – нет, госпожа Арденн.

– Малена. – Позорище…

– Я помню, – улыбнулся некромант и тоже за руку цапнул, за ту, которой я трость держала, и как вампир, принюхался к коже.

– Действительно… – произнес он, и меня снова в жар бросило. – Как интересно. Доброй ночи… Малена.

Так вообще можно? Смутить до невозможности и укатить? Какие уж тут добрые ночи.

Я решительно развернулась к крыльцу. Чья-то тень шмыгнула в сторону и растворилась в других тенях, а я оказалась за запертой дверью в два удара сердца. Вывалившееся из пакета яблоко заставило меня вскрикнуть и подпрыгнуть. Вряд ли я найду его в темноте. Да и не хотелось мне теперь яблок. И даже колбасы не хотелось. Вот если бы…

3.4

Покупки отправились на кухню, а я – в постель. После возни господина Норкинса под лестницей тепло стало везде, но я привычно свернулась в комок, готовясь заново родится утром. Или не родится. Как повезет. Веки мигнули раз, другой… Навалилась темнота, и красные когти выдернули мою душу из тела.

Тех снов не было. Или я не помнила. Но был другой и проснулась я, как всегда, задыхаясь. Лицо пылало. Подобного мне не снилось даже во времена студенческой бесшабашности. Моей лично. Стыдясь самой себя, юркнула в ванную и воду сделала попрохладнее. Если против присутствия в фантазиях симпатичного некроманта и не менее симпатичного вампира я ничего не имела, то третий фигурант… Это вообще за гранью. Любопытно, тут психологи есть?

Завтрак соображала подхихикивая и покрываясь мурашками попеременно. Роняла все подряд. В окно, которое я приоткрыла, чтоб проветрить, заглянул ворон. Я вздрогнула от скрежета когтей по жестянке отлива и уронила кусочек колбасы. Подняла и предложила гостю. Птиц побрезговал. Посмотрел осуждающе и исчез. Пожала плечами, съела сама и отрезала еще один. В процессе опять вспомнилось, и я, замечтавшись, полоснула по пальцу.

Охнула, полезла в ящик за салфетками, развернула ко-

робочку с затертой надписью, просыпав плотные, похожие на сургуч, кругляшки, и сдуру принялась их обратно рукой сгребать… Шарахнуло так, что мозг из головы выдуло вместе с дурными фантазиями, оставив только звон.

В ушах звенело, глаза слепило. Все, что хотя бы теоретически могло сверкать и сиять, сверкало и сияло, а что не могло – отблескивало. Мне, сидящей на поскривывающем от чистоты полу и смахивающей проступающие от обилия блеска слезы, было видно, что донышка у ящика нет, а вот эти снежно-белые хлопья в воздухе – все, что осталось от стопки льняных салфеток.

Поднялась и с опаской выглянула из кухни. Вихрь чистоты, похоже, прокатился не только по кухне. Потолок, не вынеся потрясений, отвесил незамеченную мной ранее лестницу на чердак. А я гадала, как туда пробраться, – окошко-то с улицы видно.

Отправиться на исследование новых территорий мне помешал грохот внизу.

Удивительно, но дверь уцелела. И даже ничего рухнувшего не обнаружилось. Зато обнаружился крайне разъяренный ведьмак с искрящими волосами, рунным щитом в одной руке и пульсаром в другой, и все это призванное устрашать магическое великолепие сверкало, сияло и отблескивало в качественно отполированных поверхностях. Прямо до слез.

Утерла проступившее и снизошла. На последних ступеньках даже слегка трепетала – настолько был грозен. Теперь

примерно представляю, что нужно сделать, чтоб демона призвать.

– Арденн! … … … !

Приняла как восторг, когда цензурных слов выразится не хватает. Откровенно говоря, я и сама слегка в шоке до сих пор. В дверной проем были видны суматошные действия по эвакуации и оттаскиванию любопытных от эпицентра предполагаемой катастрофы.

Организм подумал, отошел от шока и кровью из порезанного пальца на девственно чистый пол капнул. Ударившись, темно-красная капля сверкнула звездой, вспыхнул золотистый ореол… Но прежде, чем сияющая волна докатилась до подножия стеллажей, меня смело к столу и прижало лицом и грудью к полированной поверхности с силой, выдувшей воздух из легких. Нависающий и придавивший меня надзоровец до хруста вывернул руку за спину, сжав запястье так, что разом онемели пальцы, и порезанный в том числе. Над нами отсвечивал зелененьким щит, задорно, одна за другой, лопались светсферы, осыпая зал дождем из осколков. Ведьмачий локоть мерзко упирался в копчик, а все остальное… во все остальное. Недолго. Ровно столько, сколько понадобилось Пеште, чтобы локализовать очаг магических возмущений.

– Что вы творите! – прижимая к груди пострадавшую руку, я тот час же отодвинулась от него подальше и плюхнулась на стул. Палец был залеплен какой-то желеподобной массой

и перетянут платком. Теперь у меня их два. Тоже, как Огаст, коллекцию собрать?

– Это я творю? – возмущенное изумление вряд ли было поддельным. В волосах Пешты все еще искрило, будто его долго против шерсти гладили. Ведьмак уперся ладонями в столешницу и придвинулся ко мне, и я даже порадовалась, что нас сейчас этот самый стол разделяет.

– Обвинения в убийстве и участии в запретном ритуале вам не достаточно? Хотите изюминкой маг.диверсию? Я вам… Вам жезл для чего выдали? Чтоб вы тут же побежали экспериментировать, что эффектнее сработает: он или ваши пальцы?

– Да я… Я просто порезалась! Случайно! – В порыве протеста я взмахнула пострадавшей рукой, платок соскользнул, по полу пробежала судорога и клочок ткани с монограммой из трех букв словно растворился.

– Ну и? – сухо спросил Пешта и прошелся пятерней по встепанным волосам, черным и жестким на вид, как вороньи перья. – Что это было?

– Кажется, “чистота”, – отозвалась я, надеясь, что правильно его поняла.

– Много?

– С десяток. Коробка старая, я понятия не имею, сколько там прежде было.

– Просто блеск!

– Совершенно с вами согласна.

Ведьмак так глянул, что мое рвущееся хихиканье застряло на полдороги.

– А как вы… тут так быстро?

– Был рядом. У вас полчаса на сборы. Освидетельствование назначено на десять. И документы на дом прихватите. И… лучше не роняйте их на пол.

Спустя выделенные мне полчаса я ступила на скользкую дорожку. С ночи подморозило, и весь вчерашний не впитавшийся дождь осел на поверхностях тонким слоем наледи. Красиво. Почти как у меня в доме после внезапной уборки. Ведьмак был на шаг впереди. Внезапно все три мои опоры потеряли устойчивость. Я нелепо взмахнула тростью. Обернувшийся на возню Пешта скривился и оттопырил локоть. Меня передернуло.

– В чем дело?

– Не люблю мертвых животных, – сказала я, и для достоверности покосилась на запряженное в экипаж с эмблемами Управления магического надзора *это*. Несмотря на морозец, парок из лошадиных ноздрей не пыхал, да и пахло от нее не лошадью, а препараторской в кабинете анатомии. Не делиться же с ним ночными грезами, ожившими еще, когда он меня у стола зафиксировал, а теперь опереться предлагает…

– Как на счет мертвых разумных? – И добавил: – Людей?

– Не цепляйтесь к словам.

– Это моя работа.

– Цепляться?

– Вы это делаете куда настойчивее. Сейчас, к примеру.

Если он думал, что я отклеюсь от его руки… Значит, зря думал. На ближайший десяток метров это была единственная альтернатива сбитым коленкам и пострадавшему самолюбию… Пусть лучше калач страдает.

У экипажа внезапно возник шмыгающий носом хоббит, отвесил кривоватый поклон и доброго дня пожелал. Мне, в основном, я ближе стояла и уже, к взаимному удовольствию, совершенно самостоятельно.

– Это вы хозяйка тутошняя?

Я открыла рот, но меня опередили.

– Милейший, вы кто?

– Кровельщик я. Крышу чинить. Отсюда видать, как поехало.

Очень вовремя…

– Вам нужен доступ внутрь дома?

– Так, если не текёт, а тока черепицу поправить, зачем жи?

Судя по взгляду, которым меня Пешта наградил, моей крыше уже никакой ремонт не поможет, поправляй, не поправляй. И этим же взглядом меня в экипаж послал. Я неловко ввалилась внутрь и так же неловко плюхнулась на сиденье. Было неудобно, но севший напротив меня надзоровец смотрел, и я не стала испытывать его терпение, доверившись авторитетному мнению маджена Холина.

Пешта положил руку на управляющий шар рядом с собой, и мертвая лошадка отправилась по вложенному в ее голову

маршруту.

3.5

Пока ехали, ведьмак безапелляционно потребовал документы на дом, сотворил себе освещение и принялся изучать. Два абзаца и три строчки. Почти всю дорогу? И это я медленно читаю? Помимо прочего еще и в блокнотик конспектировал. Хорошее у калача пальто. Карманы вместительные. Любопытно, что там еще, помимо блокнотиков, пыточного арсенала и самомнения?

– Дыру глазами во мне не провертеть и гневным взором я не испепеляюсь, – заявил он, не отрываясь от дарственной.

– А если поджечь?

– Мне – ничего, вам – гарантированный эшафот. – Вот зануда… – Вы понимаете, что в кодировке статуса недвижимости обозначают знаки ВД и С?

– Великолепный дом и свободно? Вынеси дверь и смойся?

– Забавно, – скучным голосом произнес надзоровец, возвращая мне документ, – пожалуй, вам стоит узнать об этом самостоятельно, если не желаете однажды прогуляться, как любит говорить не только вами обожаемый маджен Холин, за грань.

– Что меня ждет? Не сейчас конкретно, потом, после суда.

Ведьмак приподнял бровь. А и правильно, зачем воздух зря сотрясать, сказал же уже: ему – ничего, мне – эшафот. Я поежилась. В этом лютом средневековье, хоть и значитель-

но сдобренном научно-магическим прогрессом, до сих пор были приняты смертные казни. Благо, не публичные. Хотя определенный круг лиц к зрелищам все же допускался. Откуда я это знаю? Не знаю. Лучше бы не знать… Я сложила дарственную вчетверо и не слишком аккуратно запихала в маленькую сумочку, висящую у меня на запястье. Подобное обращение с документами вызвало на лице ведьмака тень недовольства, но это был мой документ. Тьма… Ну что за тип. Неудивительно, что меня все время подначивает его из себя вывести…

Приехали.

Комплекс занимал большую часть Центрального района и кольцом окружал храм Изначального Света. Здание Управления магического надзора, рядом с которым остановился экипаж, подавляло воображение и просто подавляло. Здесь, в тени гигантских колонн, любой выглядел ничтожной букашкой пред карающей дланью неумолимого правосудия. Собственно длань и была основой эмблемы УМН.

В гулком пустом холле тоже были колонны. А еще женщина, светна. Высокая чопорная дама средних лет в строгом прямом бордовом платье, что указывало на достаточно высокий в храмовой иерархии ранг, и в ослепительно белом головном уборе, похожем на головные уборы монахинь – плотный платок и накидка. Бледное лицо светны сливалось с тканью, отчего глаза казались двумя холодными темно-синими прорубями. Рот – алая нитка, а вместо правой брови – линия

знаков, вроде тех, что у меня на запястье.

– Это светна Свела Лев*и*н, она проводит вас к месту освидетельствования и поможет подготовиться к процедуре.

Мне стало слегка не по себе и как-то вдруг перехотелось, чтоб калач меня с этой воблой одну оставлял. Известное зло комфортнее, чем незнакомое добро. Да и какое, если разобраться, надзирающий офицер зло, так, рука судьбы. Скогтил и волочет…

…мгновение невесомости, удар, и невероятная тяжесть давит на грудь… не дышу… темнота, и красные когти выдергивают мою душу из…

Я пришла в себя на жесткой кушетке, а мне в нос совали жутчайшую дрянь. Светна совала. Пешта стоял чуть поодаль с видом опаздывающего человека и, узрев, что я пришла в себя, тут же развернулся и отчалил. Правда, смотрел на меня странно и, сворачивая за колонну, обернулся. Случайно совершенно. Совсем. Абсолютно. Именно так я это расценила.

У меня забрали мои вещи, одежду, белье, и шпильки из волос вынули. Тщательно и скурпулезно ощупали и осмотрели каждый сантиметр тела… Брр… Даже вспоминать об этом не хочу: кушетка у стены и гадкие прохладные пальцы на коже и в таких местах… И все это со скучающим безразличным видом. После пытки осмотром мне выдали белый балахон. В таком только жертвоприноситься. Не успела я подленько порадоваться, что не девственница, как в комнату с голыми кафельными стенами и полом, где все это безобра-

зие происходило, вошла еще одна светна, в коричневом. Она привезла нечто, напоминающее узкий хирургический стол с тускло отблескивающей серебирстой поверхностью, от которой веяло запредельной жутью. Я непроизвольно вжалась в кафель лопатками. Светна Левин пресекла мой порыв просочится сквозь стенку, подтолкнула меня к каталке, подбила под коленки, а еще выданной одежки лишила. Они вдвоем с коричневорясой помощницей уложили меня на страшный металл голышом, только полотенчико на срамное место набросили, оставив все прочее на обозрение. Спустя минуту мои конечности и шея оказались прочно зафиксированы специальными держателями. Затем вошли двое. Инквизитор и темный маг. У инквизитора была татушка на коротко стриженой голове над ухом, у мага – глухой капюшон и странно знакомые руки.

Я молчала и тряслась от холода и страха неизвестности. Смотреть я могла в потолок и немного на стену перед собой, и до меня только сейчас дошло, что ровная гладкая поверхность, такая же белая, как кафель – стекло. И оттуда наблюдают. Сердце заколотилось с новой силой, хотя куда уж сильнее, и тут на грудь, прижав заполошно мечущийся комок, легла теплая ладонь. Из-под капюшона мне был виден подбородок и четко очерченные губы. Уголки чуть дрогнули, обозначая улыбку, и сразу стало спокойно и немножко неловко, поскольку я узнала, чья это рука. Сердце, подумав, трепыхнулось еще пару раз и забилось ровно, как ему и по-

лагается.

Инквизитор шагнул в изголовье, висков коснулись подушечки пальцев, я моргнула, может, капельку дольше, чем обычно, подержав веки закрытыми…

…

Это было похоже на сценку с пациентом, над которым хирурги во время операции анекдоты травят. В три голоса. Мужских. Приглушенно, словно из-под воды. И не смешно ни разу. На груди – теплая ладонь. Не касается, но я ее чувствую.

– Что скажете?

– Никаких явных следов воздействия. Очень слабое эхо на грани восприятия, какое бывает после контакта с любой из энергетически насыщенных некроформ. И все же реакция слишком нетипичная. Нечто отдаленно похожее я только у поднятых не-живых встречал, или…

– Или?

– Вам мое частное мнение нужно или официальное?

– Официальное.

– Будет в отчете.

– А предварительно?

– Мне подумать нужно. Не совсем понимаю…

– Светен?

– Я в таком же недоумении. Я бы посоветовал отвести ее к Оку и посмотреть на реакцию.

– Чью?

– Ее, Источника. Глас Света сейчас в храме Всеотца и будет там до завтрашнего вечера. Это мое мнение, но решать вам, вы ведете дело.

Шаги, шелест, звук открывшейся и закрывшейся двери. И снова голоса. Теперь два.

– Поиск по крови что-нибудь дал?

– Да. И нет. Физиологические маркеры полностью совпадают с образцами взятыми в три, семь и пятнадцать лет. И с выборочно взятыми у нескольких членов семьи Двирен с разной степенью владения даром. Энергетические… Она по-прежнему неодареная, но… Я, конечно, не совсем специалист… Эм… Представь материальный носитель от неодаренного, а энергетический от раскачанного по каскадному типу универсала… Нет, даже я такое представляю с трудом… Это либо нежизнеспособно, либо вулкан под задн… Что ты делаешь?

– Здесь холодно. Она голая.

– Тебе претит зрелище женской груди, между прочим, красивой?

– Тут ты специалист?.. Мне претит шмыгающий нос. – Шероховатая ткань коснулась кожи и еще одна рука, горячая – плеча, краем задев зрелище. – Вулкан под задницей? Любопытная интерпретация. Насколько нежизнеспособно?

– Абсолютно, на мой взгляд.

– Но ты не специалист.

– Могу посоветовать.

– Мартайн? Он на дурном счету. Комитет по этике на низком старте, Коллегия целителей рукоплещет и вопит о прорыве, но кто их когда слушал. Глава клана лично внушение делал. А я его почти закрыл. Сам знаешь за что.

– Не закрыл же. Попросишь в частном порядке, дашь ему поблажку.

– Частный порядок в дело не пойдет. Как я это в суде предъявлю?

– Как косвенную. Там таких полно, если не все.

– Не все.

– Веришь, что это она? Серьезно? Цикличный призыв без вреда для носителя и “темный омут” с отсроченным действием под занавес? Да она даже светсферу зажечь не может. А тут некромагия и магия крови высшего порядка.

– О! Ты не видел, как она уборку делает!

– Зато пахнет очень… привлекательно.

– Я смотрю, ты уже привлекся…

– Не я один…

– Так что с энергетическими маркерами? Уверен, ты прогнал по всей базе, когда у Двиренов и их родственников не нашел. Есть совпадения?

– Угу. Одно… – Воцарилась пауза, теплые пальцы легли на плечо. – Ты. Пятьдесят процентов. Если отразить зеркально в двух плоскостях. Представил? Вот то-то и оно, сам мозг наизнанку вывернул, а по части выворачивания мозгов…

– Специалист? Какого хрена ты делаешь?

– Поправляю. Сползло же. А тебе претит шмыгающий нос.

– Штраф за домогательства знаешь какой?

– Я вообще-то в отпуске. Я, можно сказать, полгода живых не видел и мне интересно. А ты зануда.

– Выметайся. Нет, погоди, разбуди ее.

– Сам буди. Меня тут уже нет. Мне еще отчет писать. Официальный.

…

…открыла глаза, а все уже закончилось. Почти. Я была свободна, светна Левин помогла сунуть чуть озябшие руки в рукава наброшенного сверху балахона и подняться. Подала еще один балахон, похожий на ее платье, только черный, ловко убрала мне волосы под грубый темный платок, выдала мои собственные чулки и ботинки. Хотелось бы еще и белье. Или трость. Лучше трость. С ней я чувствую себя уверенно даже без белья.

– И куда меня теперь?

– Светен Арен-Фес сказал в храм.

Светен сказал в храм, значит в храм. Всеотцу не важно, есть на мне белье или нет. Главное, чтобы душа на месте была. Хоть какая.

3.6

Ушли мы недалеко. Чуть дальше по гулкому пустому коридору. Светна оставила меня в комнате, похожей на допросную, и велела ждать. Заскучать я не успела. Переваривала не то подслушанный разговор, не то сон наяву. Специалисты… Не ясно, что за плоскости они там мысленно отражали, но горизонталями моими полюбовались и даже обсудить успели помимо прочего. Я покосилась на обсуждаемое, но в обширных складках служительниц света все богатство где-то потерялось. Зато нашлось другое, причем все и сразу. Вернувшаяся светна Левин протянула сверток с моей одеждой и даже трость. Ну вот… а все так интригующе начиналось.

Странная женщина. Неужели сразу нельзя было принести? Или им нужно было быстренько именно ту пыточную освободить для следующего клиента?

У меня в голове все перемешалось, столько раз мы сворачивали, пока не вышли наружу, оказавшись у храмового комплекса, прямо напротив посыпанной серым гравием дорожки, ведущей к крыльцу в три широкие ступени и огромными двустворчатыми дверями. Эти огромные двери отворялись не часто, только по значительным событиям. Для прочих обычных дней существовали еще одни, повторяющие первые формой и врезанные в них, как кукла-матрешка. Дверь в двери.

Светна пропустила меня вперед. Пока шли, она поджимала губы и всей поверхностью лица выражала недовольство скоростью моего передвижения. А у меня просто чулок в ботинке съехал и пятку натер. Теперь я хромала на обе ноги. Равно как мои познания в божественной иерархии. Вот этот тип в балахоне, венчающий храм, с жутковатой косой в одной руке и вытянутой и повернутой ладонью вниз другой – Пастырь. Белая птица у него на плече, помесь стервятника и ворона – Ловец душ. Есть еще Отец. А вместе они – Изначальный Свет. Ничего не напоминает? Как шахматы. Фигуры одинаковые, если папу с мамой в расчет не брать, только выкрашены иначе.

Невероятно огромный слепяще белый гулкий зал. Высокий белый свод, скрытый в жемчужном сияющем мареве. Почти в конце – грубо обтесанный кусок белого камня, а на нем – обломок, похожий на кусок лезвия гигантской косы. Это какое-то чародейство, не иначе, потому что как объяснить, что я, стоя почти на пороге зала, так подробно видела алтарь, над которым мощно и ровно пульсировал сгусток света, будто гигантская шаровая молния. За ним угадывались абрисы пафосного трона, тоже белого. На светлом мраморном полу распростер крылья огневран. Мозаика была выполнена так искусно, что плотные белые перья с тлеющей кромкой, казались настоящими. Искры поднимались вверх и таяли. Серпы крыльев кончиками касались алтарного камня, глаз мозаичной птицы в центре зала смотрелся алой раной.

– Это та, о которой просили? – прошелестел голос. Служитель был в белом и терялся на фоне всего остального, хотя стоял довольно близко.

– Да, – ответили за моей спиной, я обернулась и обнаружила, что светны Левин нет, а есть инквизитор, который меня допрашивал, и мой личный надзиратель.

Подкрался мрачной тенью. Молча потребовал ему трость отдать и глазами на алый круг указал. Всем бы такие выразительные лица – в словах бы вообще нужды не было. Или просто наше взаимонепонимание на новый уровень вышло?

Меня хватило ровно на один шаг, дальше под ногами начинались мощные птичьи лапищи с хищно загнутыми алыми на концах когтями. Я замерла, но чья-то рука подтолкнула в спину. Сердце трепыхнулось, источник над алтарем брызнул светом, распадаясь на вращающиеся кольцом золотые знаки, я ясно увидела пустующий белый трон, и мир словно выцвел.

Я, совершенно одна, стояла в том же месте и в таком же зале, только вместо белого был черный. Черные стены, черный грубо обтесанный каменный алтарь, темный источник над ним, и на полу – черный ворон с серпами крыльев и огневеющими по краю мозаичными перьями. Сгусток мрака над алтарем выгнулся аркой и сквозь нее с серой ленты дороги…

…на серую после недавнего дождя ленту дороги шагнул долговязый тип в длинном пальто, предостерегающе вздернул руку, но рукой мчащийся автомобиль не остановишь, особенно когда тормоза старые, резина лысая, и бросив-

шаяся в лобовое стекло птица с растопыренными когтями закрыла обзор. Выстрелом лопнула шина. Паника. Руль дернулся совсем не в ту сторону, а ограждение у моста – сплошная условность. Мгновение невесомости. Удар. Нечем дышать…

И мне опять мне эту дрянь в лицо суют!

Я дрыгнулась, пытаясь увернуться от тошнотворного запаха и приложилась головой об пол. А может еще раньше приложилась – в голове гудело и, судя по ощущениям, на затылке наливалась шишка. Зал был пуст и светел. Никаких подозрительных типов в черном. Разве что ведьмак.

– И часто вы в обморок падаете? – поинтересовался Пешта, поднимаясь с колена и протягивая мне мою трость вместо руки.

– Вижу вас и устоять не могу, – съязвила я, принимая сомнительную помощь.

– Вы ели что-нибудь?

– Это предложение?

Он просто развернулся и направился к выходу. Я молча пошла за ним в полной уверенности, что он уверен, что я за ним пойду. Спустя минут десять в крошечной на два столика кафешке мне был щедро предложен крепкий сладкий чай и бутерброд. С колбасой.

– Их на самом деле два? Храма? – спросила я у уставившегося куда-то за мою спину задумавшегося ведьмака. Я успела отхлебнуть из чашки, обжечь кончик языка и теперь по

одному таскала с бутерброда полупрозрачные, восхитительно вкусные колбасные ломтики.

– Что?

– Перед тем, как свалиться, мне привиделся такой же зал, только черный. Камень, темный сгусток, ворон на красном полу, серая дорога и худой тип с косой и в плаще… Бред какой-то… – Может зря я с ним откровенничаю, но выскочившие слова, обратно не загонишь.

– Бывали на родине вашей матери в городке Нункор? Одно из немногих мест, где сохранился храм Изначальной Тьмы. То, что вы описали – алтарный зал. А красный пол только в Нункорском храме, самом старом из всех.

Я молчала. Уже однажды прокололась с родственниками и не хотела снова. Пусть думает, как хочет. По крайней мере, его версия куда разумнее моих видений. Была еще ребенком, забыла, вспомнилось. Вполне сойдет. Так и ответила.

– Беременность была бы кстати, – вдруг выдал Пешта.

– Бе… Что? – Мне снова захотелось в обморок.

– Отсрочка исполнения приговора до рождения ребенка, даже при самом невыгодном для вас исходе разбирательства.

– Предлагаете мне срочно забеременеть?

– Разве что задним числом, – ухмыльнулся ведьмак. – Это работает, если зачатие произошло до предъявления обвинений. Вы были замужем чуть больше трех лет. Как часто господин Арденн уделял вам внимание?

– Регулярно, – честно ответила я. А что? Раз в месяц, день

в день. И зачем бы ему подобное спрашивать? Но этот невозможный тип вновь сменил тему.

– Управление по недвижимости слева от кафе. Информаторий бесплатный и предельно простой в обращении. Жезл у вас с собой? Как только восполните пробелы, возвращайтесь к себе. Меня не будет в городе несколько дней. Но это не значит, что за вами некому будет присмотреть.

Счастливая улыбка, сама собой расползшаяся по моему лицу, несмотря на вынужденную перспективу самообразования, тут же увяла. А на лице Пешты – проявилась, будто он со мной в эстафету играл. Он демонстративно оставил полтора чара на столе, вежливости при себе, а меня в компании с недоеденным бутербродом и чаем самой оптимальной температуры – горячий, но уже не обжигает.

3.7

Остаток безумного дня не разочаровал. А все началось, или, в данном случае, продолжилось очень культурно. После кафе я отправилась, куда послали – в управление по недвижимости. И даже жезл у меня с собой был. Хоть и не понадобился. Милая ведьмочка-администратор почти все сделала за меня, я только номер документа в реестре назвала. Загадочное ВД и С значило вовсе не то, что я себе нафантазировала. ВД оказалось сокращением “возрожденный дух”.

– Вообще-то, призванный, но это устоявшаяся формулировка для подобного рода домов, – щебетала помощница. Кажется, ей было просто скучно тут в пустом холле одной сидеть, потому она мне и помогала. – Так уже давно не делают. Это запрещено. Уже существующие дома никто не трогал, они же, считайте, живые, как родовые поместья у ведьм и некоторых темных семей, только активация на крови нужна, но это тоже запрещенное. Потому и С – спящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.